

ДМИТРИЙ ЯВОРНИЦКИЙ

ИСТОРИЯ

ЗАПОРОЖСКИХ

КАЗАКОВ

**БОРЬБА ЗАПОРОЖЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
1471–1686**

**1471–1583 гг.
ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ
ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

**1583–1657 гг.
БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛЬШИ
ЗА РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ
ЮЖНОЙ РУСИ**

**1657–1686 гг.
УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ЗА РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНУЮ
НЕЗАВИСИМОСТЬ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПРОТИВ ПОЛЬШИ,
КРЫМА И ТУРЦИИ**

Дмитрий Яворницкий

**История запорожских казаков.
Борьба запорожцев за
независимость. 1471–1686. Том 2**

«Центрполиграф»

УДК 93/94
ББК 63.3

Яворницкий Д. И.

История запорожских казаков. Борьба запорожцев за независимость. 1471–1686. Том 2 / Д. И. Яворницкий — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-06624-4

К началу XVI века запорожские казаки сложились в значительную военную силу, доставлявшую беспокойство соседям. Однако и соседи вели себя беспокойно. Польское правительство создало на Украине так называемое реестровое казачество, которое стало важной силой в войнах против Турции и Московского государства. Они должны были защищать Речь Посполитую от татарских и запорожских набегов. В то же время на Украине насчитывались тысячи нереестровых казаков, которые населяли южноукраинские степи и жили войной, разбоем, охотой и рыбной ловлей. Жили казаки прежде всего за счет военной добычи в войнах с Крымским ханством и Турцией, а также жалованья, которые им выплачивали, соответственно, Варшава и Москва.

УДК 93/94

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-06624-4

© Яворницкий Д. И.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Яворницкий
История запорожских казаков.
Борьба запорожцев за
независимость. 1471–1686. Т. 2

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Предисловие

Весь второй том «Истории запорожских казаков» написан при самых неблагоприятных условиях: автор труда находился вдали от столицы больше чем на пять тысяч верст. Живя то в Ташкенте, то в Самарканде, автор испытывал нередко такое затруднение, о котором ученый Европейской России и самого слабого представления не может иметь: какая-нибудь ничтожнейшая справка, стоящая в столице двадцать минут, в Туркестанском крае стоит два месяца. К этому надо прибавить полное отсутствие в крае людей, интересующихся историей вообще и историей Южной России в частности: ни спросить совета, ни поделиться мыслями, ни выслушать дельного замечания – ничего того нельзя было найти ни в Ташкенте, ни в Самарканде. Оттого написать «Историю запорожских казаков» в Туркестанском крае было почти такой же задачей, как переплыть в первобытной лодке Каспийское море. Независимо от расстояния немалую трудность составляла при написании «Истории» новизна самого дела: от начала запорожского казачества до первой половины XVIII столетия история низовых казаков представляла собой настоящую terra incognita, или непочатое поле, если не считать отдельных, и то весьма немногих, статей по отдельным и опять-таки весьма немногим вопросам. Поэтому возможно, что многие найдут немало пробелов в настоящем труде автора; но автор, свято уважая мнение всякого человека, нисколько не будет смущен указанием на все недостатки «Истории». В основание второго тома положены главным образом подлинные письма исторических лиц и современные событиям акты. После писем и актов брались во внимание летописцы, малороссийские и польские, а потом – исследователи настоящего и прошлого столетия. Автор избегал давать обобщения событиям и давал их лишь в такой мере, сколько позволяли делать то самые материалы. Весь второй том заключает в себе пространство времени от 1471 до 1686 год и может быть разделен на три периода: период образования запорожского казачества с 1471 по 1583 год; период борьбы против Польши за религиозно-национальную независимость Южной Руси с 1583 по 1657 год; период участия в борьбе за религиозно-национальную независимость Правобережной Украины против Польши, Крыма и Турции с 1657 по 1686 год.

Глава 1

Происхождение казаков. Казаки татарские; казаки южнорусские; казаки низовые и запорожские. Причины появления южнорусского казачества. Начало отделения запорожских казаков от украинских. Шесть периодов исторической жизни запорожских казаков. Смешивание запорожских казаков с украинскими в Москве и строгое различение их самих от гетманских казаков. Первые вожди, соединившие для общей цели казаков. Князь Дмитрий Вишневецкий, его поход на низовье Днепра, первая попытка основания Сечи на острове Хортице, служба русскому царю, польскому королю, поход в Молдавию и трагическая кончина в Царьграде

Как все основы нашей политической и религиозной жизни коренятся в колыбели рода человеческого, Средней Азии, так и начала казачества надо искать не в Европе, а в Азии. К этому приводят нас как филологические соображения, так и исторические данные. Слово «казак» – несомненно, восточное слово, подобно словам «аксак», «арак», «байрак», «бузак», «бурчак», «гайдамак», «инак», «кабак», «кишлак», «кулак», «кунак», «сугак», «табак», «чу(а)прак», «чумак» и многим другим в этом роде словам, имеющим весьма распространенное во многих тюркских словах окончание «ак». У туземцев Средней Азии, сартов, в настоящее время в употреблении слово «казаки», что значит пороховница¹. Название это заимствовано сартами от киргизов, кочевого и воинственного народа Средней Азии, которые сами себя всегда называли и теперь называют не киргизами, а казаками: «кыркыз», или «киргиз», есть только один из многочисленных родов, на которые делятся «казаки». Многие из называемых нами «киргизами» вовсе даже не знают этого названия и при вопросе, кто они, всегда отвечают, что они «казаки». «Казак» с гордостью отличает себя от сарта, таджика, таранчи – от всех оседлых, невоинственных, обленившихся, обнежившихся людей.

Сами оседлые жители Средней Азии, произнося слово «казак», понимают под ним человека неоседлого, подвижного, всегда готового к войне, склонного к разбоям, грабежам, захватам. Искони веков «казаки», обитавшие в Средней Азии, называли себя этим именем (казак, кайсак); с этим именем они известны туземным среднеазиатским историкам, каков, между прочим, кокандский повествователь Ниаз-Мухаммад; с этим же именем они уже в первой половине XVII столетия делали приступы к большим и многолюдным городам Средней Азии, много раз побеждали правителей их² и под конец уступили только силе могущественного бухарского эмира³.

Ученые-языковеды в слове «казак», или, полнее, «кай-сак», видят два слова: «кай» – легко и «сак» – выюк, то есть легковьючный. Те же ученые слово «сак» видят в имени древнейших обитателей Турана (теперешнего Туркестана), саксов, народа арийского происхождения; для туранских арийцев название «сак» было таким же нарицательным, как в наше время название «чернокожий», «желтокожий». Это же слово «сак» и с тем же значением – «мешок» или «походный выюк» – сделалось достоянием большинства народов арийского происхождения, не исключая даже и славян, у которых было в употреблении слово «сак-ва» в значении вьючной сетки. У древнейших арийцев слово «сак» переняли турки и образовали из него сложное «кай-сак», то есть, как мы уже говорили, легковьючный. Об этом, в частности, пишет господин Фирсов в альманахе «Новости» в 1893 году.

¹ Наливкин. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь. Казань, 1884, 57.

² Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд. СПб., 1832, II, 47.

³ Яворницкий. Путеводитель по Средней Азии. Ташкент, 1893, 171, 173.

Таким образом, и понятие, и слово «казак» впервые встречается в Средней Азии, откуда оно, очевидно, перешло и в Европейскую Россию. Перейти же в Россию оно могло только с приходом в нее тюркотатар, на что указывает и то обстоятельство, что до появления тюркотатар на юге Руси ни в одном списке русских летописей не встречается слово «казак».

Впервые это слово делается известным у половцев, опять же народов тюркского происхождения, с XII века. Голубовский в своей книге «Печенеги, торки и половцы» пишет, что на языке половцев «казак» означало «стража, передового, ночного и дневного». В течение XII, XIII и XIV веков известий о казаках ни в каких источниках не имеется. Зато с конца XV века барону Герберштейну, приезжавшему на Русь от немецкого императора Максимилиана к великому князю Василию III, известна была уже целая орда кайсацкая⁴. С этого же времени идут последовательные указания о существовании казаков в разных местах Южной России.

В 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой из беглецов, разбойников и изгнанников и назвавшееся казаками, по словам польского историка Длугоша, прошло от Волги за Днепр и опустошило Подолию⁵. В 1492 году, при князе Иване III и крымском хане Менгли-Гирее, стали известны ордынские казаки. В 1601 году Иван III жаловался турецкому султану на азовских казаков, от которых сильно страдали наши послы и купцы⁶. Несколько позже этого сын Ивана III, Василий Иванович, требовал от султана, чтобы он запретил азовским и белгородским казакам подавать помощь Литве, воевавшей с Москвой; в то же время, когда русский посол Коробов, бывший в Азове, потребовал себе провожатых для проезда через степи, то ему отвечали, что в провожатые, за отсутствием азовских казаков, ему некого дать⁷. В 1510 году известны были казаки в Белгороде, или Аккермане, Перекопе и Крыму. В Крыму все татары этого времени разделялись на три сословия: углан, или улан⁸, князей и казаков; улане принадлежали к верхнему сословию; князья – к среднему, владевшему поземельной собственностью, но зато постоянно воевавшему и от этого получавшему добычу; казаки – к низшему сословию⁹. Крымский хан Менгли-Гирей, заключая договор с русским царем Иваном Васильевичем Грозным, обещал не позволять воевать «ни уланам, ни князьям, ни казакам»¹⁰. В этом же 1510 году великий князь литовский Сигизмунд II жаловался крымскому хану на перекопских казаков, нападавших на литовские области. В 1516 году крымский хан Мухаммед-Гирей писал Сигизмунду II, что происшедшее нападение татар на Украину сделано было белгородскими казаками¹¹. В 1550 году литовский писатель Михалон Литвин между разными татарскими ордами упоминает и о казацкой орде¹².

В 1561 году перекопский царь писал польскому королю Сигизмунду-Августу о желании 24 белгородских татарских казаков «оказать службу литовскому государю идти на землю московскую»; приложенные при письме перекопского царя имена белгородских казаков все восточного происхождения, каковы: Аглаберды, Аlichemбей, Акмалла-ага, Бакай-ага, Басан-али, Джарлы-ага, Чабан-ага и другие¹³.

Вслед за известием о татарских казаках находим известие и о южнорусских. По мнению Максимовича, исторически известными становятся на Украине казаки уже с 1471 года, когда

⁴ Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1866, 339.

⁵ Мельник. Мемуары Южной Руси. Киев, 1890, I, 68; примет. 2-е.

⁶ Соловьев. История России, М., 1865, V, 117.

⁷ Архив мин. ин. дел, дела турец., № 1, 63, 160, 244.

⁸ У г л а е – многочисленные потомки царей от равных жен.

⁹ Хартахай. Истории, судьба крым. татар // Вест. Евр., 1866, VI.

¹⁰ Зубрицкий. Критико-историческая повесть о Червонной Руси. М., 1845, 388.

¹¹ Szajnocha. Dwa lata dziejow naszych, I, 41.

¹² Мельник. Мемуары Южной Руси, 6.

¹³ Акты Южной и Западной России, II, 157.

Киевское княжество обращено было в воеводство¹⁴. По известию летописца XVII века Мартина Бельского, в 1489 году, во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном короля Казимира IV, Яном Альбрехтом, впереди литовского войска шли до притока Буга, Саврана, казаки, хорошо знавшие местность Побужья¹⁵. По указанию Антоновича, именем казаков, в 1491 году, назвались крестьяне в Червонной Руси, восставшие на защиту своих прав¹⁶. Но документальное свидетельство о существовании украинских казаков в первый раз встречается в 1499 году в уставной грамоте великого князя Литовского Александра о воеводских доходах, данной киевскому войту и мещанам: «Который казаки зверху Днепра и с инших сторон ходят водою на низ, до Черкас и далее, а што там здобудуть, с того со всего воеводе десятое (десятую долю) мають давати; а коли рыбы привозят зверху, або з низу, просолнии(ой) и вяльи(ой) до места киевского, тоди мает осичник воеводин то осмотрети и обмитити (пометить) и мает на город взяти от бочки рыб по шести грошей, а от вялых рыб и свежих десятое (десятую штуку). А коли привезут до места киевского рыбу свежую, осетры, тогды не мают их целиком продавати, оли-ж (но) мусить осинник от каждого осетра по хребтине взяти, а любо (либо) от десяти осетров десятого осетра»¹⁷. В 1503 году, по свидетельству Архива Юго-Западной России, становятся известными черкасские казаки и казаки князя Дмитрия¹⁸. Те и другие составляли уже иррегулярное войско в Литве; они организованы были по мысли правительства для защиты границ Литвы от набегов татар и состояли в ведении так называемых старост, то есть управителей областей, городов и замков государства¹⁹. Такие казаки набирались самими старостами и нередко прозывались именами или фамилиями самих же старост: казаки князя Дмитрия, казаки князя Ружинского, казаки Мировицкого²⁰. В это же время становятся известными особые роты, или военные отряды в казачьем быту: так, под 1503 годом польский хронист Пясецкий упоминает о Щуровой казачьей роте в городе Черкассах²¹. В 1508 году одна часть казаков, под начальством брацлавского и виленского старосты, князя Константина Ивановича Острожского, разгромила наголову загон татар, грабивших пограничные области Литовской Руси; другая часть казаков, под начальством «славного казака Полюса-русака», разбила другой загон татар²². В 1512 году казаки, вместе с поляками и украинскими насельниками, участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав Ландскоронский.

Последний известен был как лучший полководец своего времени, много путешествовавший по разным странам Европы и Азии, изучивший все боевые приемы лучших европейских и азиатских полководцев. Во время столкновения казаков с татарами первые ударили на врагов казаки; сами поляки уступили казакам право первого нападения на татар только после настоятельных убеждений со стороны Острожского, находившего казаков хотя и мало «збройными», но зато считавшего их в войнах с мусульманами более опытными, чем поляков. В 1516 году казаки, под начальством Ландскоронского, ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, рогатого скота и овец, но на обратном пути были настиг-

¹⁴ Максимович. Собрание сочинений. Киев, 1876, I, 310.

¹⁵ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 882.

¹⁶ Антонович. Лекции по истории мал. казачества. Киев, 1882.

¹⁷ Акты Западной России, том I, № 170, II, № 1.

¹⁸ Архив Юго-Западной России. Киев, 1863, т. I, ч. III, № 1.

¹⁹ Земельная собственность Польши разделялась на два вида: имения наследственные и имения, отдаваемые во временное владение; в числе последних были староства; староства раздавались королями, в виде награды, равным сановным лицам, которые оттого назывались старостами (Карнович. Замечательные богатства в России. СПб., 1885, 257).

²⁰ Акты Южной и Западной России, I, 219.

²¹ Piasecki. Kronika, Krakow, 1870, 52.

²² Kronika Marcina Bielskiego, II, 950

нуты татарами и турками у озера Овидова, под Очаковым, разбили наголову неприятелей и возвратились домой с большой татарской и турецкой добычей²³. Этот год считается у польских летописцев уже годом значительного развития южнорусского казачества. В 1527 году на казаков черкасских и каневских жаловался крымский хан Саип-Гирей королю Сигизмунду II за то, что они, становясь под татарскими улусами, делали нападения на татар: «Приходят к нам черкасские и каневские казаки, становятся над улусами нашими на Днестре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели; я шел на московского князя, 30 человек за болезнью вернулись от моего войска: казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (то есть московского князя) казаками путивльскими по Днестру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву»²⁴. В 1528 году те же казаки, под начальством Хмельницкого старосты Предслава Ландскоронского, черкасского старосты Евстафия Дашковича, а также старост винницкого и брацлавского, принимали участие в походе под турецкий город Очаков; в этом походе казаки три раза разбили татар и взяли в добычу 500 коней и 30 000 голов скота²⁵.

С этого времени казаки стали приобретать особенную известность, и этому способствовал немало «знаменитый казак» Евстафий, или Остап-Дашкович, сперва литовский воевода, потом черкасско-каневский староста, уроженец города Овруча, человек православной веры. Евстафий Дашкович воевал сперва против турок и побывал в плену у татар (в 1523 году), служил несколько лет великим русским князьям, Ивану и Василию, помогая им в войне против поляков, затем снова возвратился в Литву к Сигизмунду²⁶ и получил в управление города Черкассы и Канев²⁷, на правом берегу Днестра ниже Киева. Управляя этими городами, он привлек к себе такое множество казаков, что сделал оба города надолго ядром всего южнорусского казачества. В 1531 году на город Черкассы сделал нападение крымский хан Саадат-Гирей; Дашкович мужественно оборонял черкасский замок от татар, а потом, через два года после этого, представил на сейме в Пиотркове особый проект защиты границ Литовского княжества против татарских вторжений. В этом проекте Дашкович высказал необходимость построения поблизости к татарам, на одном из малодоступных островов Днестра, замка и содержания в нем постоянной стражи из казаков в 2000 человек, которая, плавая по реке на чайках, препятствовала бы татарам переправляться через Днестр. К этим 2000 казаков Дашкович предлагал прибавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в окрестностях необходимые припасы и доставляли их казакам на острова. Предложение Дашковича всем участникам сейма понравилось, но не было приведено в исполнение²⁸.

В 1530 году, при споре каневских мещан со своим старостою Пеньком, который «кривды великия и утиски чинил и новины вводил», а кроме того, «порог их звечный мещанский, на имя Звонец, на Днестре, на себя отнимал» и половину имущества умершего или попавшегося в плен казака на себя отбирал, постановлено было киевским воеводой Немировичем: Звонецкого порога старосте совсем не касаться, а из имущества казака, если он, не имея ни жены, ни детей, умрет или попадет к татарам, одну половину отдавать на помин души тому, кому он сам завещает²⁹. Так говорят нам «Акты Южной и Западной России», уже упоминаемые мною

²³ Kronika Bielskiego, II, 963, 991; Самовидец. Летопись, 1878, 329.

²⁴ Соловьев. История России, М., 1865, V, 434, 437.

²⁵ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1043.

²⁶ Миллер. Истор. сочинение о Малой России, М., 1847, 3, 4.

²⁷ Город Черкассы построен при литовском князе Витовте (1392–1430) и осажден пятигорскими черкесами, выведенными сюда с крайнего юго-востока Европы (Антонович. История Великого Литовского княжества, 62, 63). Город Канев возник около того же времени и населен выходцами из теперешней Полтавской губернии.

²⁸ Kronika Marcina Bielskiego, 1055, 1059.

²⁹ Акты Западной России, II, № 195.

в первом томе. В 1540 году казаки черкасско-каневского старосты, князя Михайла Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михайло Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки³⁰. В 1541 году король Сигизмунд-Август писал князю Коширскому, старосте Киевского воеводства, что он уже много раз приказывал ему, и с лаской, и с угрозой, удерживать «тамошних» казаков от того, чтобы они не ходили на татарские улусы и не чинили там никакой «шкоды», но князь никогда не действовал сообразно королевскому приказанию, казаков от «шкод» не удерживал и даже сам позволял им чинить то: «И теперь через нашего посла, пана Горностая, перекопский царь пишет нам, что наши казаки прошлыми разами, неизвестно откуда пришедши на людей его, которые шли воевать Москву, ударили на Кайры³¹, 20 человек до смерти убили и 250 коней у них взяли, а гонца, который к нам послан был, того на Днепре погромили и имущества его себе побрали; кроме того, тех людей царя перекопского, которые в поле кочуют, тех казаки наши часто бьют и имущества их себе забирают; а которого гонца своего брат перекопского царя, царь казанский, к нам посылал, и того гонца на Днепре погромили и статки его себе побрали». Для того чтобы казаки на будущее время, уходя из Киева на низовье Днепра за рыбой и бобрами, не позволяли себе никакого своевольтва и не чинили никаких шкод подданным царя перекопского, король отправил в Киев своего дворянина Стрета Солтовича и приказал ему всех киевских казаков списать в реестр и реестр доставить себе. Воеводы должны знать, кто из казаков и сколько их отправляется на низовье Днепра, чтобы после возвращения их назад можно было с кого спрашивать в случае слушания и неповиновения королевской воле и приказанию. Такого же содержания посланы были грамоты старостам, киевскому Бобоедову и черкасскому князю Пронскому³², о чем читаем в тех же «Актах Южной и Западной России».

В 1545 году казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и пограбили их; турецкое правительство заявило об этом жалобу Сигизмунду-Августу, и король должен был возместить убытки потерпевших из королевского «скарбу»³³. К этому же году, как говорится в лекциях Антоновича, относятся первые указания на существование казаков как отдельного сословия от других литовско-польских и русских сословий – шляхетского, мещанского и хлопского; они живут и по городам, и по селам, занимаются разными промыслами и составляют особые общины для постоянной обороны против мусульман; так это было в воеводствах Каневском, Брацлавском, Черкасском, Могилевском и др.³⁴

В 1546 году путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, казаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, – вышли, государь, на помощь всех украин»³⁵.

В 1547 году казаки, под начальством Берната Претвица, старосты барского, преследовали до Очакова татар, наскочивших на польские владения около Винницы и захвативших несколько человек русских в плен. Так как татары успели уже отправить христиан в оковах в город Кафу, то казаки со своим предводителем «знаменито» отомстили татарам, захватили пленных и благополучно вернулись домой³⁶, повторив свой поход против татар и на следующий, 1548 год.

³⁰ Акты Южной и Западной России, II, 141.

³¹ Речка левого берега Днепра, выше лимана.

³² Акты Южной и Западной России, I, 109.

³³ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1093.

³⁴ Антонович. Лекции. Киев, 1882; Акты, II, 3–4.

³⁵ Воейков. Историческое описание земли войска Донского, Новочеркасск, 1889, 4.

³⁶ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1100; Гвагнин в Собрании историческом Лукомского: Летопись Самовидца. Киев, 1878, 333.

В 1542 году, при описании черкасского и каневского замков, между оседлыми сословиями упоминаются и казаки в смысле временных посетителей замков: «Окромѣ осилых бояр и мещан бывают у них (черкасцев) прохожие казаки; сей зимы было их разом о пол-третяста. А кроме того бывает там (в Каневе) людей прохожих, казаков неоселых, а бывает их неравно завжды, але яко которых часов»³⁷. В тех же «Описаниях украинских замков» имеются указания и на самые занятия черкасских и каневских казаков: одни из них добывают в неприятельской земле «бутынки» (добычу) и лучшее из своей добычи – пленников, коней и др. – дают старостам по их выборам; другие пребывают по левому берегу Днепра (теперешней Полтавской губернии) и «живут там на мясе, на рыбе, на меду, с пасек, с свепетов и сытят там себе мед яко дома»; третьи, оставаясь в замке, «ходят с Черкас озер тых (принадлежавших черкасскому замку) волочити, а которые домов в Черкасах не мают, тые дают старосте колядки (предрождественскую подать) по 6 грошей и сена косят ему по два дни толоками за его стравую (пропитанием) и за медом; а которые казаки, не уходячи в казачтво на поле, а ни рекою на низ, служат в местах (замках) боярам, або мещанам, тые колядки давати, або сена косити не повиини». О каневских казаках, кроме того, говорилось, что, отправляясь на городские уходы, добывая там рыбу, бобров и мед и возвращаясь назад, они половину обязаны были давать своему старосте³⁸.

Таким образом, из всех приведенных документальных данных видно, что первоначально на юге России явились казаки татарские, за татарскими казаками – казаки украинные, или южнорусские, чисто славянской народности. В первое время южнорусские казаки представляли собой не больше как пограничную стражу, состоявшую под главным ведением воевод и второстепенным – старост литовско-русских пограничных замков и городов. Популярнейшим из старост, Ландскоронскому и в особенности Дашковичу, сколько известно, выпала первая роль если не организовать казацкое сословие, как утверждают это польские писатели Несецкий, Старовольский, Зиморович и немецкий историк Энгель³⁹, то, по крайней мере, сплотить его в одно целое. При них ядром малороссийского казачества сделались города Черкассы и Канев; а скоро после них казачество, постепенно увеличиваясь в своей численности, заняло Киевскую, Черниговскую, Полтавскую и южную часть Подольской губернии. Однако рядом с казаками-пограничниками и их начальниками-старостами изредка действовали и независимые «купы» казаков под начальством собственных вожаков. Своим вожакам казаки давали названия гетманов (от немецкого *hautmann* – капитан) и первоначально придавали этому слову значение вообще предводителя, не соединяя с ним представления ни об административной, ни о судебной власти, как было впоследствии. Целью первых движений малороссийских казаков из городов в степи, как показывают приведенные свидетельства 1489, 1499, 1652 годов, были интересы военные и промышленные. Так, одни из них уже в это время воевали у Буга с татарами; другие, в качестве рыболовов, звероловов, пасечников и мелких торговцев, отправлялись к Днепру за разного рода добычей.

Такова видимая картина начала и развития южнорусского казачества. Но за этой видимой картиной скрываются несколько причин, благодаря которым южнорусское казачество, начавшись небольшими купами, дошло до развития в целое сословие и разлилось по обширной территории Малороссии и потом Запорожья.

В ряду таких причин первое место занимает причина земельная. Действие этой причины началось с переменой земельных отношений в южнорусских областях после перехода Киевского княжества в 1471 году к Литве и обращения его в воеводство. Литва, присоединив к себе русские области, ввела в них собственный, феодальный порядок государственного строя, и тогда под влиянием этого порядка принцип земельного владения на Украине стал склады-

³⁷ Описания украинских замков // Киевская старина. 1884. Август, 588.

³⁸ Там же, 589.

³⁹ Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1842, I, 99, 101.

ваться совершенно иначе, чем он выражался в течение многих веков дотоле. По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу и не целому сословию, а считалась собственностью общины. По феодальному принципу литовского государственного строя земля считалась собственностью государя и раздавалась им лицам высшего и среднего сословия, отличавшимся на военном, административном или придворном поприще и потому считавшимся правоспособными на пользование земельными участками; крестьяне же, как низший класс населения, считались не правоспособными и потому не имевшими права лично на обладание землей. Этот принцип применен был и в отношении украинского населения, поступившего под власть Литовского княжества. Отсюда естественно, что южнорусское население, встретив не виданный им порядок вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральные места государства и уходить на окраины его. Пользуясь правом перехода с одного места на другое, оно не встречало никаких препятствий при своих передвижениях и даже находило сочувствие со стороны властных лиц, так как, при отсутствии постоянных войск в Литовском государстве тогдашнего времени, могло стать оплотом на порубежных владениях Литвы против подвижных, воинственных и жадных на добычу татарских наездников. Это и было первой из причин появления на Украине южнорусского казачества.

Второе место в образовании южнорусского казачества занимает экономическая причина. Эта причина состоит в зависимости от системы обработки земли в центральных областях Великого княжества Литовского до половины XVII столетия. До означенного времени в Великом княжестве Литовском ценными землями считались земли лесные, водные и болотные, на которых можно было вести лесное хозяйство, добывать рыбу, ловить зверей («бобровые гоны»), разводить пчел («пчелиные борты»). Земли же с черноземными залежами считались малоценными; самая обработка земли практиковалась в весьма малых размерах, единственно для первых потребностей хозяев. Оттого до 1569 года, или до так называемой Люблинской унии, литовские помещики совсем отказывались от окраинных черноземных земель, и правительство предоставляло их во владение низшему сословию. Но низшее сословие, получая эти земли в свои руки, должно было на собственный страх и защищать их от воинственных соседей: чтобы удержать свое имущество и вместе с тем защитить семьи от хищных соседей, поселенцы украинских земель должны были взяться за оружие и стать на военную ногу, а это и было второй из причин появления южнорусского казачества.

Третьей причиной появления южнорусского казачества было существование в Белограде, Крыму и Азове татарских казаков. Уходя в степи ради зверя, дичи, скотоводства и пчеловодства, выплывая в реки и лиманы ради рыбы и соли, южноруссы постоянно сталкивались с татарскими казаками и постепенно усваивали от них как отдельные слова, так и костюм, вооружение, самые приемы битвы и наименование казаков. Если заимствования одного народа у другого происходят на почве мирных сношений, то тем больше делается заимствований между народами, поставленными во враждебные и воинственные друг к другу отношения: в этом случае, чтобы научиться побеждать более сильного неприятеля, нужно изучить все тонкости его боевой тактики и взять в руки одинаковое с ним оружие, надо, одним словом, располагать равномерными с ним боевыми средствами. Мирное южнорусское население, силою земельных и экономических обстоятельств вытесненное из центральных областей своего государства в степные окраины и ставшее лицом к лицу с воинственным азиатом-наездником, волей-неволей усвоило себе все боевые приемы и самое наименование «казака».

Четвертой причиной появления южнорусского казачества была близость вольных степей. Чтобы вырасти, воспитать целое сословие, или общину, воинов – для этого нужен простор, нужны вольные земли, свободная, никем не занятая территория или, по крайней мере, окраины, пограничные со степной равниной. Оттого мы и видим, что как в самой Азии, так и в Европейской России казачество всегда начиналось на пограничной территории государств, развивалось и ширилось на открытых степных равнинах. Так было и в Южной России; сами

южнорусские казаки, понимая это лучше, чем кто другой, вложили добытую ими историческую истину в поговорку «степь та воля – казацька доля», то есть воля начинается там, где начинается вольная степь, и вне степи нет ни казака, ни воли.

Наконец, в ряду перечисленных причин возникновения южнорусского казачества нельзя умолчать и об этнографических особенностях южнорусской народности, которой, в силу самой исторической подготовки, весьма сродна была такая форма общественной жизни, как казацкая община. Дело в том, что южнорусская народность, воспитанная на вечевом строе, самоуправстве и самоуправлении, потом ставшая в зависимость от Великого Литовского княжества и не вполне вошедшая в колею государственных порядков его, оттого потянувшаяся на свободные, никем не занятые места, естественно могла стремиться воскресить в своей памяти «давно померкшие идеалы» некогда существовавших в Южной Руси, на началах полного самоуправления, общественных порядков и также естественно могла стремиться повторить их на новых землях, вдали от феодально-аристократических порядков Литвы и Польши. И точно, Запорожье, с его товариществом, выборным началом старшин, войсковыми радами, общим скарбом, общей для старшин и простой массы пищей, отдельными куренями – все это те же общинно-вечевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшие до самого высшего предела развития⁴⁰.

Так или иначе, но документальные данные говорят, что первоначально на юге теперешней России появилось татарское казачество, за ним возникло и образовалось городовое, малороссийское. За городовым, малороссийским следовало низовое, или запорожское, казачество. Отправляясь из Киевского воеводства на низовья Днепра за рыбой, бобрами, солью, дикими конями и другой добычей, городовые казаки насиживали там места для низового запорожского или вольного казачества, не подчинявшегося ни воеводам, ни старостам, а слушавшегося лишь своих собственных вожаков, или атаманов. Конечно, община низовых казаков сложилась не сразу, а постепенно, и число ее последовательно увеличивалось различными людьми, недовольными существовавшими в Польско-Литовском государстве порядками и искавшими выхода из своего тяжелого положения.

По месту своего жительства, на низовьях Днепра, за порогами, вольное казачество называлось низовым, или запорожским, войском. С XV до половины XVII века этим именем назывались как собственно те, которые жили на Низу, за порогами Днепра, низовые, или запорожские, казаки, так и те, которые жили выше порогов, городовые или реестровые и нереестровые казаки; они именовались общим именем «войска его королевской милости запорожского». С половины XVII века городовые казаки обособились от низовых, но удержали свое название «войска запорожского», хотя, живя в городах Украины, не имели никакого основания называться этим именем; низовые казаки, навсегда отделившись от городских, стали именоваться по праву запорожцами, сечевиками и строго отличали себя от городских казаков. В 1751 году запорожские казаки заявили официальную жалобу на то, что городовые казаки и их полковая старшина не по праву «называют себя и подписываются войском запорожским»⁴¹. В Москве часто смешивали собственно запорожских с городовыми украинскими казаками и нередко тех и других именовали общим именем «запорожских черкас».

Первым указанием отделения низовых, или запорожских, казаков от украинских, или городских, нужно считать указание 1568 года, когда казаки стали «на Низу, на Днепре, в поле и на иных входах перемешкивать», то есть проживать или иметь оседлости⁴², как говорит нам о том Архив Юго-Западной России. Но более определенным указанием обособления низового

⁴⁰ Киевская старина, 1884, IX, 587; Антонович. Исторические деятели Юго-Западной России. Киев, 1885, I, 2; Максимович. Собрание сочинений, I, 310.

⁴¹ Киевская старина. 1889. Март, № 3, 741.

⁴² Архив Юго-Западной России, т. III, ч. III, 4.

казачества от городского может служить реформа короля Стефана Батория, последовавшая приблизительно около 1583 года⁴³, о разделении украинских казаков на реестровых и нереестровых – когда реестровые объявлены были, так сказать, подзаконным казацким сословием, а нереестровые – незаконным. Последние, горя ненавистью к правительству, устремились за пороги Днепра и там установили «свою волю, свою правду, свою силу». Наконец резкое отделение запорожских казаков от городских окончательно установилось в первой половине XVII века.

Начавшись со второй половины XVII столетия и просуществовав почти до конца XVIII, запорожцы до 1654 года находились в зависимости от Литвы и Польши, а с этого времени вошли в зависимость от России: на Переяславской раде они признали власть малороссийского гетмана и через него должны были сноситься с московским царем. Однако зависимость запорожцев от Литвы и Польши была более номинальной, нежели фактической. Так, хотя по указам литовско-польских королей, Сигизмунда-Августа и Стефана Батория, запорожские казаки должны были повиноваться старшине украинских казаков, но они не обращали внимания на эти указы. Поддерживая тесную связь с Украиной, они жили совершенно независимой от нее жизнью. Как пишет Миллер в «Рассуждении о запорожцах»: «Не отступая повиновением от гетмана по внешнему виду, надеясь на свою отдаленность, запорожцы всегда мало и тогда только, когда им прибыльно казалось, повелениям малороссийского гетмана повиновались. Даже и тогда, когда гетманы стали именоваться гетманами обеих сторон Днепра, власть их в действительности не простиралась далее Кременчуга и Переволочной»⁴⁴.

В гораздо большей зависимости очутились запорожские казаки от Москвы, когда, с половины XVII столетия, перешли в ее подданство. Правда, в XVII веке эта зависимость выражалась еще в довольно слабой степени, но зато с начала XVIII века запорожцы все более и более теряли отличительные черты своей оригинальной жизни и под конец исторического существования жизнь запорожских казаков, если исключить безженность собственно сечевых товарищей, мало чем отличалась от жизни украинских казаков.

Несмотря, однако, на все различие запорожских и городошных казаков, между теми и другими в первое время исторического существования была такая тесная связь, что отделять историю одних от истории других в течение XVII и начала XVIII века не представляется никаких оснований. Только с половины XVII столетия различие между запорожскими и городошными, или гетманскими, казаками становится осязательным, а потому с этого именно времени начинается и собственная, в строгом смысле слова, история запорожских казаков.

По ходу исторических событий и по тем и другим задачам, которые брали на себя запорожцы, вся история запорожских казаков может быть разделена на следующие *шесть периодов* времени. Период образования запорожского казачества (1471–1583). Период борьбы против Польши за религиозно-национальную независимость Южной Руси (1583–1657). Период участия в борьбе за религиозно-национальную независимость Правобережной Украины против Польши, Крыма и Турции (1657–1686). Период борьбы против Крыма, Турции и России за собственное существование (1686–1709). Период существования запорожцев за пределами России и попытки их к возвращению в родные места (1709–1734). Период борьбы с русским правительством за самостоятельное существование и падение Запорожья (1734–1775).

Первые моменты исторической жизни запорожских казаков, как и всяких других народов, не оставивших по себе первоначальных письменных памятников, представляют собой загадку неизвестности и дают обильную пищу для всяких предположений и домыслов. Кто был истинным устройщиком их войска, каковы были вначале их боевые средства, как широко простирался район деятельности их – на это никаких не имеется данных. Конечно, на первых порах

⁴³ Киевская старина. 1884. Сентябрь, 45.

⁴⁴ Миллер. Рассуждение о запорожцах. М., 1857, 14, 59.

в действии казаков не могло быть правильно осознанной и прямо поставленной задачи, и они в этот период времени должны были действовать партийно, или, как сами говорили, купами. Начало организации могло быть лишь с появлением на Низу общего предводителя казаков, впервые соединившего их в одно для общей цели – борьбы с мусульманами и положившего начало столице их, называемой Сечью. Первую попытку в этом роде, как утверждает автор летописи по Никонову списку, сделал знаменитый князь Дмитрий Иванович Вишневецкий⁴⁵.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, истый казак по натуре и знаменитый вождь своего времени, был потомком волынских князей Гедиминовичей, родился в православной вере, имел трех братьев – Андрея, Константина и Сигизмунда – и состоял владельцем многих имений в Кременецком повете, каковы: Вишневец, Подгайцы, Окимны, Кумнин, Лотрика и другие. На исторической сцене Вишневецкий впервые стал известным с 1550 года, когда назначен был польским королем в старосты Черкасского и Каневского поветов. Каков был Вишневецкий как управитель поветов, нам неизвестно; известно лишь то, что в этом звании он оставался всего лишь три года; получив отказ от короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о каком-то пожаловании, Вишневецкий, по старому праву добровольного отъезда служилых людей от короля, ушел из Польши в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем казацтвом или хлопством, которое возле него пробавлялось», – писал о Вишневецком Сигизмунд-Август Радзивиллу Черному 15 июня 1553 года. Вскоре, однако, король, обеспокоенный тем, что турки в лице Вишневецкого приобретут отличного полководца с переходом его в Турцию, врага польскому престолу, снова привлек князя к себе, дав ему опять те же города Черкассы и Канев в управление. Управляя этими городами, князь хотя и был доволен на этот раз королем, но чувствовал недовольство в самом себе: душа его жаждала военной славы и ратных подвигов. Тогда он задался мыслью оградить границы Польско-Литовского государства посредством устройства на острове Днепра крепкого замка и помещения в нем сильного гарнизона. Очевидно, Вишневецкий в этом случае хотел повторить то, что раньше его высказал Евстафий Дашкович. Свой план Вишневецкий хотел осуществить постепенно и высказал его открыто в 1556 году. Не найдя, однако, себе фактического сочувствия среди польских властных людей, Вишневецкий снова решил покинуть родину и искать счастья за пределами отечества.

В это самое время он узнал, что московский царь Иван Васильевич Грозный, желая предотвратить набег крымских татар на московские окраины, отправил два отряда русских ратников с путивльскими казаками на Низ – один под начальством Чулкова по Дону, а другой под начальством дьяка Ржевского по Днепру – и приказал им «добывать языков и проведывать про крымского хана». Весть о походе русских против крымцев пришла как нельзя кстати по вкусу черкасско-каневским казакам, и они, собравшись в числе 300 человек под начальством своих атаманов Млинского и Михайла Еськовича, иначе называемого Миской, бросились вниз по Днепру и заодно с дьяком Ржевским и русским войском причинили много бед туркам и татарам под Ислам-Керменем, Очаковом и Волам-Керменем.

Подвиги казаков черкасско-каневских замков вызвали на сцену и самого старосту, князя Дмитрия Вишневецкого, и в то время, когда Ржевский после похода отступил в «литовскую», то есть западную сторону Днепра, Вишневецкий очутился на Днепре и расположился на острове Хортице, откуда рассчитывал открыть постоянные набеги на мусульман. С этой целью он устроил здесь, в 1556 году, земляной «город» против Конских Вод, у Протолчи, послуживший потом прототипом Сечи запорожских казаков.

⁴⁵ Источники: Летопись по Никонову списку. СПб., 1791, 266, 272–275, 293, 298; Kronika Bielskiego, II, 1145–1449; Korona polska Niesieckiego, 1728–1748, IV, 545; Акты Южной и Западной России, I, II; Горецкий. Мемуары Южной России. Киев, 1890, I, 98.

О своих подвигах против татар и турок на Днепре князь Вишневецкий не замедлил известить, через служебника Миску (то есть Михайла Еськовича), короля Сигизмунда-Августа, прося у него королевской протекции. На то донесение король отвечал Вишневецкому грамотой, писанной если не весной, то летом 1557 года⁴⁶. В этой грамоте король отвечал Вишневецкому, что присланные им листы, через служебника Миску, получены во время пути, именно тогда, когда король ехал с королевой Екатериной с Варшавского сейма в Вильну, и, по распоряжению самого короля, служебник тот задержан был с ответами королевскими на продолжительное время. Распоряжение же это сделано было на основании известия, принесенного королевским послом, князем Андреем Одинцевичем, о намерениях и замыслах перекопского царя: перекопский царь, по известию королевского посла, о чем король узнал по приезде в Вильну, хотел добывать князя Вишневецкого в построенном им замке; вследствие этого известия, а также вследствие суровой зимы и трудного проезда к Вишневецкому и вследствие ожидания проезда посланного к Вишневецкому дворянина Василия Шишковича, король и приказал задержать отъезд Миски. Кроме этого, король писал Вишневецкому и о том, что он, сперва по слухам, а потом от присланного князем хлопца, узнал о нападении на Вишневецкого перекопского царя. Воздавая похвалу Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при нем находящихся, король обещал и на будущее время не забывать его подвигов: «А что касается замка, построенного тобой, и твоей услуги, оказанной нам, то такая услуга приятна нам, потому что ты устроил на нас, господаря, замок на нужном месте, и именно такой замок, где была бы безопасная осторожность для удержания лихих людей шкодников с обеспечением панств наших. Но чтобы усилить тот замок людьми и боевыми средствами, как ты писал нам о том, то без личного твоего приезда к нам мы теперь не имеем достаточно основательных причин исполнить это, хотя выводить тебя из замка на это время также не годится ради известия от тебя и из других мест («украин») о замысле со стороны великого московского князя соорудить замки при реке Днепре, в том именно месте, где и ты хотел будовать города, на нашей земле, а также и ради зацепок, на которые могли бы отважиться, в твое отсутствие, казаки и подвергать опасности области нашего государства. Выводить тебя из замка не годилось бы еще и для того, чтобы ты, оставаясь в нем, мог большую пользу принести, не допуская казаков делать зацепок чабанам и шкодить улусам турецкого царя, взирая на многие причины, на dokonчание и присягу нашу с турецким цесарем и вечный мир с перекопским царем». В заключение грамоты король извещал Вишневецкого об отпуске к нему какого-то Захарки, о котором князь писал королю, а также об отправке к князю собственного королевского слуги – дворянина с ответом на все письма и просьбы князя о возвращении из Польши посла перекопского царя вместе с польским послом Довгиром. Посла, отправленного к Вишневецкому, король приказывал людям Вишневецкого встретить у Черкасс, и самому князю, ввиду важности дела, с которым посол отправлен, выслушать его с особенным вниманием⁴⁷.

Нужно думать, что отказ со стороны короля Сигизмунда-Августа в помощи людьми и боевыми средствами для защиты устроенного князем замка послужил причиной того, что Вишневецкий, оставив польского короля, вошел в сношения с русским царем.

В мае 1557 года Вишневецкий писал царю, что крымский хан Девлет-Гирей, с сыном и с многими крымскими людьми, приходил к Хортицкому острову, осаждал его двадцать четыре дня, но Божиим милосердием, именем и счастьем царя, государя и великого князя он, Вишневецкий, отбил от хана и, поразив у него много самых лучших людей, заставил его отойти от Хортицы «с великим соромом» и дать возможность князю отнять у крымцев некоторые из кочевищ. В заключение Вишневецкий уверял царя, что пока он будет на Хортице, то крымцам ходить войной никуда нельзя.

⁴⁶ Грамота не датирована месяцем.

⁴⁷ Акты Южной и Западной России, II, 148.

В сентябре того же 1557 года Вишневецкий отправил от себя в Москву казацкого атамана Еськовича к царю Ивану Васильевичу бить челом о том, чтобы царь пожаловал князя и принял его к себе на службу; Еськович должен был сказать царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял Еськовича с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил, вместе с Еськовичем, боярских детей Андрея Щепотьева да Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московского государства.

Спустя месяц после этого Вишневецкий отправил к царю новых послов, Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, князя Семена Жижемского да Михайла Еськовича, и через них извещал царя, что он (Вишневецкий) царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать против татар в Крыму и под Ислам-Керменем, а потом уже быть в Москве. И действительно, относительно своих намерений против татар Вишневецкий сдержал свое слово: в декабре названного года московский посол, живший в Крыму, извещал царя, что 1 октября князь Дмитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хортицкий город.

Почти через год после этого, а именно в октябре 1558 года, князь Вишневецкий снова и совершенно неожиданно подвергся второму нападению со стороны того же крымского хана, Девлет-Гирея. Взяв с собой, кроме татар, много войска турецкого султана и молдавского господаря, хан внезапно подступил к Хортице и с яростью напал на Вишневецкого. Вишневецкий долго отбивался от хана, но потом, лишившись всякого пропитания и потеряв много людей, а еще больше коней, съеденных казаками, под конец оставил Хортицу и ушел к Черкаскам и Каневу, откуда известил царя о всем происшедшем на Хортице и ждал от него дальнейших приказаний. Тогда царь, узнав о всем случившемся с Вишневецким, велел ему сдать Черкассы и Канев польскому королю, с которым у русских произошло перемирие, а самому ехать в Москву. Вишневецкий повиновался воле царя и в ноябре того же года приехал в Москву. Здесь он получил от царя жалованье, а также город Белёв со всеми волостями и селами в вотчину⁴⁸, да в иных городах «подклетные села и великие пожертвования», и за все это клялся животворящим крестом служить царю всю жизнь и платить добром его государству.

Однако в Белёве Вишневецкому пришлось оставаться недолго: дело в том, что в это самое время приехали в Москву черкесские послы с целью просить московского царя оказать помощь черкесам в их войне с крымцами. Царь, не поладивший перед этим с крымским ханом, решил воспользоваться просьбой черкесов в свою пользу, и в декабре месяце 1558 года снова отправил Вишневецкого, в качестве начальника над 5000 человек ратников, на крымские улусы. Вишневецкий двинулся из Москвы вместе с кабардинским мурзой Канкльком, собственным братом, атаманом, сотскими и стрельцами. Он ехал судном на Астрахань, из Астрахани сухопутьем к черкесам в Кабарду; в Кабарде ему велено было собрать рать и идти мимо Азова на Днепр, на Днепре стоять и наблюдать за крымским ханом, «насколько Бог поможет». Исполняя царское приказание, Вишневецкий сперва остановился под Перекопом и стал наблюдать за татарами; но крымский хан, извещенный польским королем о движении Вишневецкого, забил свои улусы⁴⁹ за Перекоп, а сам ушел вовнутрь полуострова. Тогда Вишневецкий, не встретив под Перекопом ни одного врага, перешел к Таванской переправе ниже Ислам-Керменя; простояв напрасно три дня на переправе, Вишневецкий отсюда поднялся к острову Хортице и близ него соединился с дьяком Ржевским и его ратниками. Встретив Ржевского выше поро-

⁴⁸ Теперешней Тульской губернии, на 125 верст ниже Тулы.

⁴⁹ Слово «улус» на татарском языке значит «народ», «племя».

гов, Вишневецкий велел ему оставить все коши с запасами на острове, отобрал лучших людей из его рати – небольшое число боярских детей, казаков да стрельцов, – остальных отослал в Москву и потом с отборным войском пошел летовать в Ислам-Кермень, откуда имел целью захватить города Перекоп и Козлов. Получив известие об отходе хана за Перекоп, царь Иван Васильевич отправил к Вишневецкому посла с жалованьем и с приказанием князю оставить Ширия-Кобякова, дьяка Ржевского и Андрея Щепотьева с немногими боярскими детьми и стрельцами, Данила Чулкова да Юрия Булгакова с казаками, а самому ехать в Москву. Вишневецкий и на этот раз повиновался воле царя, оставил Днепр и скоро прибыл в Москву, откуда переехал в свой город Белёв. Зимой этого же года крымский хан, услышав о том, что московский царь оставил столицу и уехал в Ливонию, быстро собрал стотысячное войско и бросился по направлению к Москве; но узнав, что самые страшные для него люди, Шереметев и Вишневецкий, совсем не выезжали в Ливонию, так же быстро повернул назад и ушел в Крым.

В начале 1559 года царь снова отправил Вишневецкого против татар; ему дано было 5000 человек войска, а его товарищу Даниилу Адашеву – 8000. Вишневецкий разбил 250 человек крымцев близ Азова, а Даниил Адашев выплыл в устье Днепра и отсюда бросился в Крым. Разгромив Крым и освободив множество христианских пленников, Адашев вновь вернулся к Днепру и поднялся вверх по его течению. Хан бросился за ним вдогон и настиг у мыса Монастырька, против Ненасытецкого порога, но, боясь сразиться с ним, ушел назад.

В то время, когда Адашев и Вишневецкий действовали против татар на Днепре, в это самое время, летом 1560 года, предводитель белгородских казаков Андчак ворвался в Киевское воеводство и опустошил поселение возле белоцерковского замка, а потом написал письмо Сигизмунду Августу и в нем объяснил, что сделал свое нападение в отместку казакам киевским, белоцерковским, брацлавским, винницким, черкасским и каневским, причиняющим «великие шкоды» турецким подданным. По этому письму Сигизмунд Август отправил киевскому воеводе князю Константину Константиновичу Острожскому и всем украинским старостам приказание воспретить казакам, ввиду присяги и dokonчання с турецким султаном и перекопским царем, делать нападения на турецких и татарских подданных и даже не позволять им ходить в поле для сторожи, хотя в то же время держать их наготове, чтобы иметь возможность, при набегах со стороны татар на украинные области, вовремя ударить на врагов и отнять у них добычу и христианских пленников⁵⁰.

Между тем Вишневецкий, возвратившись в 1561 году из «Пятигорской земли» на Днепр и расположившись на урочище Монастырище, в 30 милях от Черкасс, близ острова Хортицы, стал сношаться с польским королем о том, чтобы снова перейти к нему на службу. Что побудило Вишневецкого к этому, неизвестно: не понравилось ли ему обращение Грозного с боярами в Москве, или же просто ему не сиделось на одном месте – источники не говорят об этом. Во всяком случае, находясь в урочище Монастырище, Вишневецкий отправил к королю Сигизмунду-Августу гонца с просьбой о том, чтобы он снова принял его к себе и прислал бы ему, по обыкновению, так называемый глейтовый, то есть охранный, лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно изъявил согласие принять Вишневецкого к себе на службу и прислал ему глейтовый лист сентября 5-го дня 1561 года: «Памятуя верные службы предков князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, мы принимаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский для служб наших, не боясь строгости посполитого права и нашего от господаря каранья и неласки нашей за то; может он добровольно в панствах наших жить, пользуясь всякими вольностями и свободой, как и другие княжата, нанята и обыватели панства нашего»⁵¹. Принимая Вишневецкого вновь на службу к себе, король мотивировал свою милость к нему тем, что Дмитрий Виш-

⁵⁰ Акты Южной и Западной России, II, 152.

⁵¹ Акты Южной и Западной России, II, 155, 157.

невещкий ходил к московскому царю не для чего иного, как для того, чтобы узнать «справы неприятеля и тем принести возможно большую пользу Речи Посполитой». В свою очередь и казаки, бывшие с Дмитрием Вишневецким на Низу и оставленные им после отъезда, стали просить короля через черкасско-каневского старосту, Михайла Александровича Вишневецкого, о дозволении им возвратиться в места своей родины и прислать глейтовый лист.

Отправляя глейтовый лист князю Дмитрию Вишневецкому, король Сигизмунд-Август извещал о том и брата его (нужно думать, неродного), Михайла Александровича Вишневецкого. О казаках тому же Михайлу Вишневецкому король писал: «Лист для принятия казаков в наше панство мы приказали выдать и велели послать его до воеводы Киевского; кроме того, распорядились написать ему, чтобы его милость с тобой посоветовался, если те казаки придут в наше панство и меж ними окажутся такие, которые в недавнее время Очаков разорили («збурыли»), и если приход их не принесет никакой опасности от цесаря турецкого и царя перекопского, то, поразмысливши об этом хорошенько, велите послать им тот лист. И если между ними окажутся те, которые Очаков разоряли, то ты бы внушил им, чтобы они, не задерживаясь и не проживая в тамошних украинских замках, шли бы прямо в Могилевский замок, откуда мы велим направить их в Полоцк, а из Полоцка в землю Инфлянтскую (Эстляндию) и прикажем дать им содержание и живность. Посоветовавшись и поговоривши с ним об этом, извести нас о том немедленно»⁵².

Куда вернулись казаки, неизвестно, но известно то, что они покинули Хортицу и после их ухода «город» Вишневецкого, вероятно, был разрушен татарами, так как московский царь, собираясь воевать с Крымом, хотел строить новое укрепление «между Хортицей и Черкасами», которое бы заменило «город» Вишневецкого⁵³, как о том говорят все те же «Акты Южной и Западной России».

После этого Дмитрий Вишневецкий, вместе с одним польским магнатом, неким Альбрехтом Ласким, приехал в Краков, где был встречен массою народа с радостными приветствиями. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Скоро после этого Вишневецкий очень сильно заболел, вследствие какой-то отравы, полученной им еще в юношеские годы. Король, узнав об этом и жалея князя, велел своим докторам осмотреть его. Доктора оказали помощь больному, и он благополучно встал с постели. Таким образом, с 1563 года Вишневецкий считался снова на службе у польского короля. Приняв к себе Вишневецкого, польский король, однако, не преминул при случае осведомиться у русского царя о причине отъезда его из Москвы. «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил», – ответил царь Иван Васильевич королю Сигизмунду-Августу на вопрос о Вишневецком.

В это время Вишневецкий сделался настолько дряхлым, что едва мог садиться на коня, но дух героизма в нем все еще не угасал. Так, находясь в Кракове и сойдясь с Альбрехтом Ласким, владевшим молдавской крепостью Хотином и мечтавшим присоединить всю Молдавию к Польше, Вишневецкий задумал новое дело: он решился, по совету Лаского, овладеть Молдавией и сделаться ее господарем. Обстоятельства ему благоприятствовали. Дело в том, что в Молдавии в это самое время боролись за обладание престолом два претендента: господарь Яков Василид, иначе Ираклид, и боярин Томжа, иначе Стефан IX. Партия волохов, не желавшая избрания Томжи, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и обещала ему господарство, если только он, вместе с казаками, принесет присягу этой партии. Князь согласился и в 1564 году с 4000 казаков отправился в Молдавию. Передовой отряд его явился в то время, когда Томжа осаждал Василида в сучавском дворце; сам Вишневецкий по случаю болезни ехал сзади на возу. Его отряд поспешно прискакал к дворцу и стал требо-

⁵² Акты Южной и Западной России, II, 156.

⁵³ Там же, 134.

вать молдавской булавы для своего князя. Томжа, по-видимому, охотно согласился на это приязание и лично пошел встречать славного героя. Вишневецкий, не подозревая в этом никакого коварства, с небольшой дружиной двинулся к Сучаве; но тут, во время самого пути, видя ничтожность сил Вишневецкого, Томжа вдруг переменяет свою роль: он внезапно бросился на посланных в помощь князю людей, всех их перебил и готовился схватить в руки самого Вишневецкого; но Вишневецкий успел уйти и спрятаться в копну сена; к его несчастью, однако, он был замечен каким-то мужиком, приехавшим за сеном, и выдан Томже. Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану, Селиму II. Получив пленников и пылая мстостью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни: бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков («гак»), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату. Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с такой же высоты, зацепился ребром за железный крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, понося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими его злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой уже песне о казаке Байде⁵⁴. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему собственную дочь в жены с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, а под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервенившись на Вишневецкого, вынули у него, еще живого, по словам польского писателя Несецкого⁵⁵, из груди сердце, изрезали на части и, разделив между собою, съели его в надежде, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался всю жизнь неустрашимый Вишневецкий. Народ воспел славного героя в песне, дошедшей до нашего времени во многих вариантах.

У Царьгради тай на рыночку
 Там пье Байда мед-горилочку,
 Ой пье Байда, та не день, не два,
 Та не одну ничку, тай не годиночку.
 Прийшов до нёго султан турецький:
 – Ой шо ж бо ты робыш, Байдо молодецький?
 Ой ты, Байдо, та славнесенький,
 Будь же ты лыцарь та вирнесенький, —
 Покинь, Байдо, та пыты-гуляты,
 Беры мою дочку та йды царюваты,
 Беры в мене та царивночку,
 Будешь паном та на Вкраиночку!
 – Твоя вира проклятая,
 Твоя дочка поганая!
 Гей, як крыкне султан на гайдуки:
 – Визьмить того Байду, визьмить ёго в руки!

⁵⁴ Байда, байдак, на общетюркском языке «буйдак» значит «холостой», «бобыль»: (Наливкин. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь, II, 25).

⁵⁵ Писатель XVI века Леонард Борецкий о кончине Дмитрия Вишневецкого говорит коротко, что он умер «мучительною смертью» от турок (Мемуары Южной России, I, 98).

Визьмить Байду крипко изьяжите
Та на ребро за гак добре почепите.
Высыть Байда та не день, не два,
Тай не одну ничку, тай не годиночку.
Высыть Байда про себе гадае,
Тай на свого щюру зорко споглядае,
Тай на свого щюру, щюру молодого,
И на свого коня, коня вороного;
Ой ты ж, щюро, щюро молоденькый,
Подай мини лучок, та лучок тугенькый,
Подай мини, щюро, тугый лучок,
Подай мини стрилок, стрилок цильй пучок!
Ой, бачу ж я, щюро, та тры голубочки,
Хочу я их вбиты за-для царский дочкы.
Де я вмирю – там я вцилю,
Де ж я важу – там я вражу.
Ой як стрилив – тай царя вцилив,
А царыцю та в потылыцю,
А их доньку – прямо в головоньку.
Не вмив, царю, та ты Байды вбыты,
За це ж тоби, царю, тай у земли приты,
Було б тоби, царю, конем пид изжаты,
Та було б тоби Байди голову изтяты,
Було б Байду в землю поховаты,
А ёго ж хлопця соби пидмовляты.

Глава 2

Перемешкивание казаков на Низу Днепра после князя Дмитрия Вишневецкого. Казацкие предводители: Бирута Мадский, Карпо, Андруш, Лесун, Белоус и Лях. Нападения казаков на проезжих турецко-татарских купцов и русско-татарских гонцов. Политическая уния 1569 года Литвы и Польши и положение всего казацкого сословия в новом государстве. Меры польско-литовского правительства против казаков и назначение над ними особого правительственного начальника, «старшого», Яна Бадовского. Походы Сверчовского в Молдавию в помощь господарю Пеоне против турок и действия низовых казаков. Кошевые атаманы низовых казаков Фока Покотило и Самойло Кошка. Гетман Богдан Ружинский. Походы его с казаками в крымские владения и к берегам Малой Азии; взятие им города Трапезонта и гибель при взрыве крепости Аслама. Походы Ивана Подковы с казаками и их предводителем в Молдавию. Успех Подковы и гибель его. Преемник Подковы Александр и действия низовых казаков. Меры Стефана Батория против казаков

Путь, намеченный князем Дмитрием Вишневецким, но оставленный им вследствие бесилия своего в борьбе с татарами, не был, однако, забыт казаками, и в 1568 году они снова очутились на Низу и с этих пор стали здесь «перемешкивать», то есть проживать и промышлять там: «Подданным нашим, тем казакам, которые, съехав из замков и украинских городов наших без позволения и ведома нашего господарского и старост наших украинских, на Низу, на Днепре, в поле и на иных входах перемешкивают. Мы имеем известие, что вы на тех поименованных местах, живя своевольно у разных входов, подданным царя турецкого, чабанам⁵⁶ и татарам царя перекопского, делая набеги на их улусы и кочевия, большие шкоды и разорения чините и тем границы государства нашего от неприятеля в опасность приводите»⁵⁷.

Перемешкивая в полях и на Низу Днепра, казаки все еще, однако, считают Низ лишь временным своим местопребыванием и по истечении известного срока снова возвращаются в украинские города. Отсюда можно думать, что в это время на Низу не было еще ни Сечи, ни особого товарищества, ни отдельных старшин.

После смерти князя Дмитрия Вишневецкого казаки довольствуются тем, что нападают на проезжих торговцев и разных гонцов, грабят и разбивают их. Так, одна часть казаков в это время действовала под начальством каких-то атаманов Карпа, Андруша, Несуна и Белоуса, ниже города Черкасс; она напала там на турецкие и татарские караваны, ходившие с товарами в Москву, а также на крымских гонцов, ездивших от хана к польскому королю, и на украинских солепромышленников, спускавшихся из малороссийских городов в турецкий город Кочубеев, теперешний город Одессу. Другая часть казаков, под предводительством атамана Андрея Ляха, спустилась к речке Самаре, впадающей в Днепр выше Кодацкаго порога, и тут делала нападения на русских и крымских гонцов, а также на турецких и армянских купцов, по обыкновению ездивших с послами в Москву и обратно в Крым. Как пишет Соловьев в своей «Истории России», в это именно время казаки переняли московского гонца Змеева и какого-то неизвестного крымского посланца с несколькими купцами, тридцать человек купцов убили, а троим за то, что они покупали в Москве литовских пленников, руки отрубили⁵⁸.

В это же время, 18 января 1568 года, казаки, по словам малороссийского летописца, под предводительством славного наездника и сильного воина Бирули Мадского, впервые сделали

⁵⁶ «Чабан» с татарского на русский – овечий пастух.

⁵⁷ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. III, 4.

⁵⁸ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 30.

сильное нападение на московское войско⁵⁹. Очевидно, летописец понимает здесь действие казаков во время Ливонской войны Польши с Россией при царе Иване Грозном. Но насколько известно из других источников, в самом начале 1568 года казаки участвовали вместе с поляками и гетманом Ходкевичем в осаде московской крепости Улы.

Они наняты были для этой войны самим гетманом, но, по его же собственным словам, дошли только до рва крепости и потом бежали от нее. Впрочем, так же точно вели себя в это время и сами поляки⁶⁰. О действиях в других местах казаков этого времени ничего не известно.

Через год после этого в Литве и Польше произошло событие, которое имело огромное значение для развития южнорусского казачества вообще и запорожского в частности. Это событие – так называемая политическая уния, то есть соединение двух государств в одно, Литвы и Польши, происшедшее в 1569 году, при короле Сигизмунде-Августе. По этой унии к Польше, вместе с Литвой, была присоединена и Украина на правах свободной страны со свободным населением: «яко вольные до вольных и ровные до ровных люди». Так сказано было на бумаге, но не так вышло на деле. Поступая под власть Речи Посполитой, украинское население нашло здесь вместо «золотой» свободы «неключимое» рабство. Дело касалось прежде всего казацкого сословия.

Малороссийское казачество оказывалось в государстве Речи Посполитой совсем лишним сословием. Дело в том, что в Польше того времени существовало лишь три сословия – шляхетское, мещанское и хлопское; первое сословие было дворянское, второе – промысловое и ремесленное, третье – крепостное; ни к одному из этих сословий нельзя было приравнять казаков, так как дворяне их не приняли, а от мещан и хлопов они сами отказались⁶¹, как пишет о том Антонович. Оставалось казаков поставить особо, но так как определенной организации у них не было, и только отправляясь в поход, они выбирали себе предводителей, возвращаясь же назад – поступали под ведение старост, то между старостами и казаками происходили постоянные ссоры и тяжбы: старосты гнули казаков под свой «регимент», казаки жаловались на великие утеснения и кривды со стороны старост. Тогда правительство сделало первые попытки упорядочить казацкое сословие и с тем вместе прибрать его к своим рукам. С этой целью объявлено было, через коронного гетмана Юрия Язловецкого, о выдаче казакам жалованья из королевского скарба, и тут же сделана была попытка привлечь казаков к юрисдикции коронного гетмана: низовые казаки должны были признать над собою власть гетмана и подчиниться суду и управе особого королевского чиновника, который должен носить название казацкого старшего. Таким старшим и вместе с тем судьей был впервые объявлен, в 1572 году, белоцерковский шляхтич Ян Бадовский: «Находя годным на то дело, – пишется в универсале короля Сигизмунда-Августа 5 июня 1572 года, – пана шляхтича Яна Бадовского, с давнего времени служившаго верно и усердно господарю своему (королю), гетман коронный Юрий Язловецкий назначил его старшим и судьей над всеми низовыми казаками с тем, чтобы он каждому, кто будет иметь дело до казаков и кто придет с Низу до замков и городов наших, чинил бы над ним по справедливости»⁶².

Казаки ясно видели, куда направлены были цели правительства Речи Посполитой, и потому, желая сохранить свою независимость, волей-неволей брались за оружие и тем постепенно сплачивались в сильную и оригинальную общину, мало-помалу росли в своем развитии и через то находили в самих себе силы для борьбы внутри и вовне государства.

Но Люблинская уния коснулась и крестьянского населения Южной Руси. Крестьянское население, очутившись во власти Польши, стало испытывать все неудобства применения на

⁵⁹ Ригельман. Летопись. М., 1847, I, 21; Гвагнин в Собрании историческом Лукомского: Летопись Самовидца, 333.

⁶⁰ Соловьев. История России, М., 1887, VI, 237.

⁶¹ Антонович. Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, XXXIII.

⁶² Акты Южной и Западной России, II, 175.

нем новых государственных и общественных порядков. Через эти порядки оно лишалось личной свободы вследствие широкого произвола, каким пользовалось в Польше привилегированное сословие в ущерб непривилегированному, и последовательно ограничивалось в земельных правах. Не имея средств спасти личную свободу и удержать за собой земельные права, крестьянское население выходило из своего положения и стало стремиться в ряды казачества, чем значительно усилило это сословие.

Поняв намерение правительства и усилившись крестьянским населением, казаки уже с этого времени почувствовали в себе большую силу, и польско-литовские короли, став впервые лицом к лицу с ними, оказались бессильными в своих мерах для того, чтобы сделать их послушными своей воле. Впрочем, в этом случае много значило и то обстоятельство, что правительство Речи Посполитой, приняв казаков в числе других сословий Украины, уже на первых порах стало в противоречие с самим собой. В этом отношении оно поступало смотря по видам своей политики и обстоятельствам дела: видя в действиях казаков в одно и то же время и пользу и вред для Польши, оно в первом случае давало полную волю им, во втором случае или старалось отвлечь в другую сторону, или грозило истребить их в самом основании⁶³.

В этом противоречии самому себе состояла и дальнейшая политика польско-литовского правительства в отношении казаков: когда они были нужны королям, то призывались на сцену и поощрялись в их набегах на татар и турок, когда не были нужны, объявлялись врагами отечества и всячески стеснялись в действиях.

Но эти то поощрительные призывы, то запретительные постановления только разжигали страсти казаков, увеличивали их численность и заставляли многих бежать из городов Украины на низовья Днепра. Сами поляки, часто не признававшие королевского авторитета и действовавшие на собственный страх в делах войны и мира с соседями, также в значительной мере способствовали усилению казаков. Так, в 1574 году, то есть через два года после назначения особого «старшего» над казаками, польские шляхтичи, под предводительством Сверчовского, родом поляка из Мазовецкого воеводства, ходили походом в Молдавию в помощь господарю Ивоне во время его борьбы с турками.

По словам современника события, Леонарда Горецкого, это дело произошло следующим образом.

В небольшом Молдавском государстве возгорелась борьба между двумя претендентами на обладание молдавской короной – молдавским господарем Ивоней и братом волошского господаря Петром, или Петриллюю. Получив отказ от польского короля Генриха во вспоможении против Петра, поддерживаемого турецким султаном Селимом, Ивоня обратился к полякам, и на его зов явился, в 1574 году, предводитель Сверчовский, составивший около себя милицию, самопроизвольно собравшуюся в поход без ведома своего правительства и потому именно названную польскими историками именем «казаков». Эти «казаки» все до единого были поляки и ничего общего не имели с казаками низовыми, или запорожскими, принимавшими лишь косвенное участие в действиях Сверчовского и его сподвижников. Вместе с господарем Ивоней «казаки» Сверчовского были при взятии крепости Браилова, при поражении отдельного отряда турецкого не доходя Браилова, при взятии крепости Тятина (Бендер), при поражении турок под Аккерманом, при осаде крепости Тейвицы; участвовали в решительной битве, 9 июня, у реки Дуная и вместе с Ивоней отступали от берегов ее. После трагической кончины Ивони, как пишет господин Мельник в своих «Мемуарах Южной России», польские «казаки» частью были перебиты, частью взяты в плен; в числе последних был и Сверчовский⁶⁴. Собственно низовые казаки во время подвигов Сверчовского и его товарищей, по указанию

⁶³ Киевская старина, 1884, август, 601.

⁶⁴ Мельник. Мемуары Южной России, I, 101–134.

Мацеевского, разгуливали под начальством атамана Фоки Покотило на лодках по Черному морю и тревожили турок, не давая им возможности всеми силами ударить по Молдавии⁶⁵.

Около этого же времени по Черному морю плавал казацкий атаман Самойло Кошка⁶⁶, называемый иначе Кушкой и Косткой⁶⁷. Но этот Кошка попался в плен к туркам и находился на турецкой галере около 25 лет, как полагают, до 1599 года⁶⁸. По летописи, изданной Белозерским, после Самойла Кошки у казаков был еще вождь Бородавка.

В это время казаки представляли собой уже довольно значительную силу, страшную татарам и туркам, жадную на добычу и подвиги, жившую большей частью в низовьях Днепра, по его островам. Польский летописец XVII века Мартин Бельский описывает жизнь казаков этого времени в следующих подробностях.

«Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на Низу Днепра ловлею рыбы, которую там же, без соли, сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города, как то: Киев, Черкассы и другие, спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько сот человек на курене, или, как они говорят, на стрельбе. Они имеют и свои пушки, частью захваченные ими в турецких замках, частью отнятые у татар. Прежде не было так много казаков, но теперь их набралось до нескольких тысяч человек; особенно много их увеличилось в последнее время. Они причиняют очень часто большую беду татарам и туркам и уже несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи, так что теперь и турки и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скота нигде и по той (левой) стороне Днепра на расстоянии десяти миль от берега. Казаки нас наиболее ссорят с турками; сами татары говорят, что если бы не казаки, то мы могли бы хорошо с ними жить; но только татарам верить не следует: хорошо было бы, чтобы казаки были, но нужно, чтобы они находились под начальством и получали жалованье; пусть бы они жили на мысах и на днепровских островах, которых там так много и из которых некоторые столь неприступны, что если бы там засело несколько сот человек, то самое большое войско ничего бы с ними не сделало. В числе этих островов есть остров, который казаки называют островом Коханья⁶⁹ [вероятно, имеется в виду Кухарев остров, который лежит между порогами и выше острова Хортицы]; лежит он между порогами, на расстоянии 40 миль от Киева, занимая несколько миль в длину. Если татары замечают, что на этом острове сторожат казаки, то не так смело переправляются на нашу сторону, потому что с этого острова можно препятствовать переправе татарского войска через Кременецкий и Кучманский броды⁷⁰, которыми оно обыкновенно к нам переправляется. Недалеко от этого острова есть другой, называемый Хортицей, тот самый, на котором перед этим Вишневецкий жил и татарам очень вредил, так что они не смели через то так часто к нам вторгаться; несколько ниже этого острова в Днепр впадает река Тысмевица, на 44 мили от Киева⁷¹ [реки с таким названием не встречается в записях ни в XVII, ни в XVIII веке]. Есть и третий такой остров, который называется Томаковка, на котором больше всего проживают низовые казаки, так как он служит для них самым крепким замком; против него впадают в Днепр две реки Тысмен и Фесын,

⁶⁵ Журнал Министерства народного просвещения, 1837, август, 496.

⁶⁶ Точных указаний о первом кошевстве Кошки не имеется.

⁶⁷ Величко. II, 380; Грабянка. 25; Летописи Белозерского, 56; Heidenstein. II, 448.

⁶⁸ Исторические песни мал. народа. Киев, 1874, I, 227, 228.

⁶⁹ К этому названию подходит Кухарев остров, который лежит между порогами и выше острова Хортицы (Яворницкий. Вольности запорожских Козаков, 73).

⁷⁰ Кучмань-шлях, шедший через правые притоки Буга Саврань, Кодыму и Кучмань мимо Бара ко Львову (Кулиш. История воссоединения Руси, I, 55).

⁷¹ Ни в XVII, ни в XVIII веке не встречается с таким названием речки ниже Хортицы (Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 122).

вытекающие из Черного леса⁷². Есть там немало и других меньших островов, и если бы на них построить замки и осадить населения, то татары не посмели бы так часто врываться к вам, но мы почему-то нашли лучшим защищаться от них у Самбора. Водой также им (казакам) ничего нельзя было бы сделать, потому что с моря никакие галеры и боты не могут пройти в Днепр по причине порогов, которым сам Господь Бог определил там быть, и если бы не это обстоятельство, то турки давно бы навестили этот край; казаки же так свыклись с этой местностью, что проходят пороги в своих кожаных лодках, которые они называют чайками и на которых спускаются вниз и встаскивают против течения на веревках вверх. В таких самых лодках Русь в прежнее время причиняла вред греческому императору, подплывая иногда к самому Константинополю, как о том пишет греческий историк Зонара. Пожалуй, и теперь казаки так поступили бы, если бы их было много. Потому-то турки и хотят, чтобы этот край оставался пустым и незаселенным, чрез что они могли бы безопасно оставаться в Царьграде. Был в этих краях раньше, в Белограде, большой порт, из которого до самого Кипра пшеницу с Подолии возили; теперь чрез тот город, сухим путем на Очаков к Москве ходят только караваны. Из Белограда пролегает широкая дорога, на которой казаки часто турецких купцов разбивают, и если хотят добыть языка, то добывают его скорее всего именно там. Если бы мы захотели привести в порядок казаков, то это легко можно было бы сделать, – нужно принять их на жалованье и построить города и замки по самому Днепру и по его притокам, что весьма легко сделать, так как и деревья, и леса на островах имеется весьма достаточно, – было бы лишь к тому желание; об этом очень мудро говорил Ян Орышовский, который долгое время был у казаков гетманом и очень хорошо изучил те места; он взялся бы за это дело и выполнил бы его непременно»⁷³.

На основании высказанного Бельским желания о необходимости построения на Низу Днепра постоянной крепости против татар, следует думать, что и в это время, то есть в 1574 году, все еще не было постоянной Сечи на Днепре, и казаки только временно «мешкали» на острове Томаковке, хотя уже и закладывали основание для постоянного существования своей столицы.

В 1575 году казаки предприняли поход на Крым. На этот раз ими предводительствовал князь Богдан Михайлович Ружинский, родом из Ружина, Владимирского повета, славный потомок Гедимины, литовского великого князя⁷⁴, «муж сердца великого», как называет его Папроцкий, популярнейший вождь между казаками, известный у них и у некоторых из польских историков под простым прозвищем Богданка. «Презрел он богатства и возлюбил славу защиты границ. Оставив временные земные блага, претерпевая голод и нужду, стоит он, как мужественный лев, и жаждет лишь кровавой беседы с неверными». Так характеризует князя Богдана Ружинского польский геральдик Папроцкий. Князь Богдан Ружинский⁷⁵ сделался известным сперва как начальник польской казацкой милиции, охранявшей границы Польской республики. Увидев общность интересов как пограничных, так и низовых казаков, Богдан Ружинский перешел к низовым казакам, и тут имя его, как смелого и мужественного вождя, скоро сделалось известным и в далекой Москве. Как пишет Соловьев: «Из Москвы государь прислал на Днепр, к голове, князю Богдану Ружинскому, и ко всем казакам днепровским с великим своим жалованьем и с приказом к ним: если вам надобно в прибавку казаков, то я к вам пришлю их, сколько надобно, и селитру пришлю и запас всякий, а вы должны идти весною непременно на крымские улусы и на Козлов. Голова и казаки взялись государю крепко

⁷² Этим рек также не имеется ни на каких планах ни XVII, ни XVIII века.

⁷³ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1358–1360; о том же Александра Гвагнина: Собрание историческое Лукомского в Летописи Самовидца, 329–332.

⁷⁴ Г-н Новицкий высказывает предположение, что Богданко Ружинский носил и другое имя, Михайлы, по отчеству Евстафиевича; обыкновенно же его называют Богданом Михайловичем (Киевская старина, 1882, II, 83; Исторические песни малорусского народа, I, 166).

⁷⁵ Князья Ружинские: Киевская старина, 1882, II, апрель, 59–84; Bielskiego, Kronika, Sanok, 1856, 111, 1367.

служить и очень обрадовались государственной милости. Хан, услышав эти вести, созвал на совет князей и мурз и стал говорить: «Если казаки придут, то они прежде всего возьмут Белоград да Очаков, а мы у них за хребтом», но князья и мурзы отвечали на это: если придет много людей на судах, то города не остановят их; ведь казак – собака: когда на них приходят турецкие стрельцы и на кораблях, то они и тут их побивают и корабли берут»⁷⁶.

Богданка воспользовался случаем, когда татары, в октябре 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек, «на Русь», произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру⁷⁷. С отборной дружиной неустрашимых казаков Богданка ворвался в татарские владения за Перекоп, опустошил страну огнем и мечом, освободил много христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: казаки Богданки мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали⁷⁸, как пишет о том Мельник в «Мемуарах Южной Руси». После похода на Крым Богданка с низовыми казаками пустился в открытое море и, приставая к берегам Малой Азии, брал турецкие города и истреблял в них жителей. Так, он взял Трапезонт и вырубил его население, потом овладел Синопом и разрушил его до основания, после чего подходил даже к Константинополю и «взял под ним многие корысти»⁷⁹. Ровно через сто лет после этого запорожские казаки вспоминали о славных походах Богданки и грозили повторить снова подобные походы на Крым⁸⁰, читаем мы у неоднократно уже упоминаемых Величко и Грабянко. Возвратившись с моря, Богданка в 1575 году предпринял поход на турецкую крепость Аслам-город, построенную турками для преграждения выхода казакам в устье Днепра и в Черное море, и обрушился на нее с такой силой, что от нее не осталось и следов никаких, зато тут же, во время штурма замка, сам погиб при взрыве крепости подкопом⁸¹. О причине такого фанатического озлобления Богданко против мусульман ни польские, ни малорусские историки не говорят, – говорит лишь народная дума о Богданке, указывая на пленение татарами жены и убиение матери его:

Ой Богдаве, запорожський гетьмане,
Та чому ж ты ходиш в чорням оксамыти?⁸²
Гей, булы ж у мене гости, гости татарове,
Одну ничку ночувалы;
Стару неньку зарубалы,
А мыленьку собі взяли⁸³.

Все изложенные действия казаков произошли в тот период времени польской истории, который носит название «междоцарствия» (1574–1576), когда из Польши бежал Генрих Анжуйский и вместо него потом выбран был король Стефан Баторий (1576–1586), даровитый вождь, политик и администратор своего времени.

⁷⁶ Соловьев. История России, М., 1879, VII, 31.

⁷⁷ Мельник. Мемуары Южной Руси, I, 136. По словам Бельского, поводом к походу Богданки на Крым было вторжение татар за Днепр и захват ими в местности возле Синявы до 50 000 человек христиан в плен (Kronika, III, 1366).

⁷⁸ Мельник. Мемуары Южной Руси. Киев, 1890, I, 136.

⁷⁹ Грабянка. Летопись. Киев, 1854, 22. То же говорит и Гвагнин: Собрание историческое Лукомского, 349, 350.

⁸⁰ Величко. Летопись. Киев, 1851, II, 380; Грабянка. 21, 260, 349.

⁸¹ Niesiecki. Korona polska, 1740, III, 896; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1367; Бантыш-Каменский. История Малой России, I, 124.

⁸² После набега татар на Украину в 1575 году, когда взято было в плен 35 000 человек жителей, послы из русских провинций, по словам современного историка Оржельского, прибыли на сейм в траурной одежде.

⁸³ Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874, I, 163.

Приняв в свои руки управление Речью Посполитой, Стефан Баторий между другими вопросами внутренней политики встретился и с вопросом о казаках. Но при всех своих административных и государственных способностях Баторий не придумал в этом вопросе ничего нового против своих предшественников, и его отношения к казакам противоречат одно другому: то он грозит вконец истребить казаков за их набеги на турецко-татарские владения, то дает им полное право на существование, сказываясь перед турками тем, что казаки не зависят от его власти и состоят из сброда людей всевозможных народностей. Очевидно, Баторий действовал в этом случае, как и его предшественники, применительно к общему течению политических дел.

Тотчас по вступлении на польский престол Стефан Баторий должен был вести борьбу с жителями города Гданьска (Данцига), которые не хотели признать Батория своим королем и желали вместо него видеть на польском престоле австрийского императора Максимилиана. Тогда Баторий весной 1577 года открыл войну с гданычанами, и против них действовал Ян Зборовский с поляками и казаками. Казаки и поляки поразили гданычан под Тчевом⁸⁴ (Тчевом), причем 4527 из них убили, 1000 человек полонили, шесть штук знамен с собой взяли и, кроме того, большую добычу получили⁸⁵, как пишет о том Самовидец.

Одобрив действия казаков под Гданьском, Стефан Баторий совсем иначе отнесся к ним за поход в Молдавию. Поход в Молдавию казаков при Стефане Батории связан был с предприятием некоего Ивана Подковы. По словам польского летописца Мартина Бельского, жившего в XVII веке, это произошло таким образом.

Между запорожскими казаками жил некто Иван Подкова, отличавшийся большой силой и могущий гнуть рукой подковы, за что и получил свое прозвище. По одним сведениям, он был двоюродный брат погибшего в борьбе с Петром Ивони, по другим – простой холоп⁸⁶. Волохи в конце ноября 1577 года отправили к Подкове, секретно, своих посланцев и через них просили его приехать к ним в качестве наследного владельца Молдавии и взять в собственные руки «батьковщину», доставшуюся ему от брата его Ивони. При этом волохи, через тех же посланцев, жаловались на своего господя Петра за его невыносимые кривды и за тесную связь с турками, к которым он питал особенное благоволение и многих из них держал при своем дворе.

Подкова благодарил послов за оказанную ему честь, однако согласился на предложение не сразу, а попросил сперва у них же самих совета, каким бы путем ему исполнить их просьбу. Послы возвратились назад, и скоро после этого Подкове присланы были два письма, со множеством печатей знатнейших волошских бояр, одно для передачи киевскому воеводе князю Константину Острожскому, а другое для передачи барскому старосте. В этих письмах бояре усиленно просили воевод дать Подкове помощь дойти лишь до Днепра, а далее они будут сами ждать его в известный день со своим войском. Взяв эти письма, Подкова приехал с ними в город Бар и, вручив их старосте, вступил с ним в тайную беседу. Во время этой беседы староста откровенно объявил Подкове, что он рад был бы помочь ему и ничего ему не стоило бы это сделать, но, ввиду существующего между Польшей и Турцией мира, решиться на это без согласия и приказа короля не может; зато обещает просить о том, через письмо короля, а тем временем советует Подкове погостить где-нибудь в другом месте, так как, проживая в Баре, он мог бы выдать себя и тем поднять тревогу во всей волошской земле. Подкова поблагодарил за все старосту и уехал от него прочь.

Скоро об этом узнал некто Станислав Копыцкий, один из пограничных панов, который только что вернулся с поля в Бар; он явился к Подкове, поздравил его с неожиданным счастьем и вызвался помогать ему, по мере возможности, в его деле. Подкова усердно благодарил

⁸⁴ Шмидт пишет «Тчев» (История польск. народа. СПб., 1866, II, 103).

⁸⁵ Самовидец. 1878, 381; Шмидт. История польского народа, II, 103.

⁸⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1430; Heidenstein. Dzieje polskie. СПб., 1856, I, 285.

Копыцкого и просил его исполнить выраженные обещания на самом деле, за что, в свою очередь, обещал щедро наградить его в том случае, если Господь Бог позволит сесть ему в отчизне на престол, куда призывают его подданные его. Тогда Копыцкий, пользуясь расположением у казаков, с которыми он пробыл около 20 лет, отправился к ним со всеми своими деньгами, собранными им на службе, и раздал их между казаками. Копыцкому во всем помогал один волошанин Чапа, который женился в Брацлавской волости и через то проживал в ней. Благодаря стараниям Копыцкого и Чапы, возле них собралось 330 человек казаков, единого отборного народа, над которыми гетманом был некто Шах. Явившись к Подкове, казаки ворвались в волошскую землю; но, услышав о том, что волошский воевода Петр выступил против них с большою силою и со многими орудиями, каких у них самих не было, повернули, запасшись живностью, назад, решив попытать счастья в другой раз.

Тем временем волошский господарь Петр, узнав о происшедшем, послал турецкого чауша к галицкому каштеляну, возвращавшемуся к этому времени от турецкого султана, после заключения мирного союза, с жалобой на то, что, вопреки условиям мира и союза, казаки снова опустошают султанские владения и добиваются посадить на волошском господарстве некоего Подкову. Господарь требовал от галицкого каштеляна написать польскому королю письмо о том, чтобы он поскорее помешал этому, изловил и наказал по закону Подкову, а над всеми казаками учинил бы расправу, в противном случае грозил гневом и немилостью турецкого султана. Все это каштелян галицкий досконально вылил королю. Короля это очень обеспокоило, и он немедленно послал своего коморника с письмами к коронному гетману, а также к некоторым русским панам, чтобы они постарались поймать Подкову и всех сообщников его. После этого гетман выслал три роты, над которыми поставил старшим своего слугу Боболецкого. Боболецкий направился в город Немиров, где находился раньше того Подкова, и действительно застал его в Немирове. Но Подкова вовремя узнал об этом и выехал из города, имея при себе 50 человек пеших казаков с ружьями. Достигши какого-то брода, Подкова стал в воде коням по брюхо и выставил впереди себя стрельцов. Когда Боболецкий подъехал к броду и заметил, насколько Подкова выбрал трудное для стычки место, то, повернув назад, поехал в Немиров. Вслед за ним, в тот же Немиров, поехал и Подкова – Боболецкий в замок, а Подкова тайно прямо в город. Прибыв в Немиров, Боболецкий потребовал у начальника той части города, где скрылся Подкова, выдачи его, но получил от начальника города ответ: «Выдать тебе я его не могу, но и не защищаю его; возьми его сам, если сможешь». Тогда Боболецкий удалился прочь, ничего не сделав с Подковой.

После этого коронный гетман донес королю, что настигнул Подкову в Немирове, но наместник брацлавского воеводы (Ян Збаражский) отказался его выдать. Король немедленно послал своего коморника к воеводе с приказанием выдать Подкову. Но пока королевский коморник приехал в Немиров, Подкова уже успел собраться и сделать набег на волошскую землю. На помощь к нему явился гетман Шах, который взял с собой 600 человек казаков, а 400 человек оставил на Низу; он вышел на шлях, называемый Пробитым, и приветствовал Подкову как волошского господаря, приказав бить перед ним в кожаные бубны. Казаки провели Подкову до Сорок, где чернь принимала его как своего господаря.

Между тем молдавский господарь Петр, узнав о всем случившемся, стал готовиться к бою против Подковы, и когда казаки подошли к Яссам, то Петр выстроил значительное войско, поставив на переднем фланге своей рати турок, числом до 500 человек, вооруженных стрельбами. Это обстоятельство тотчас же заметили казаки и выстроились так, что вражеские выстрелы не причиняли им никакого вреда. Тут кто-то пустил молву, будто между казаками был человек, который умел заговаривать ружейные пули; в действительности же это происходило оттого, что, когда враги подносили к орудиям фитили, то казаки, заметив дым, тотчас же падали на землю и таким образом делались неуязвимы для выстрелов. Турки, полагая, что казаки побиты, ринулись на них целою массой, но те, сорвавшись с мест, бросились на них со

всей силой и встретили врагов таким сильным огнем из рушниц, от которого у неприятелей тот же час пало 300 коней, а остальные разбежались по сторонам.

Потерпев первое поражение, господарь Петр, вместо того чтобы приказать своим людям идти в атаку, велел им отступать и, не возвращаясь в Яссы, повернул к низовым землям брата своего, мультанского господаря, а оттуда отправил послов к турецкому султану с жалобой на казаков, подданных польского короля, за то, что они вытеснили его из его собственных владений и передали их другому. На такую жалобу турецкий султан отвечал господарю так: «Я считаю тебя моим подданным и посадил тебя для того, чтобы ты служил мне там, где бы я ни приказал, а ты вместо того требуешь от меня службы; теперь я приказываю тебе выгнать негодного человека, и если ты этого не сделаешь, то я сниму тебе голову, а вместо тебя посажу другого господаря».

Тем временем Шах с казаками благополучно и без урона возвел Подкову на волошское господарство. Казаки въехали в город Яссы накануне праздника ев. Андрея 1577 года, и Подкова тотчас же выпустил на волю всех пленников, бывших в городе, без выкупа. Между ними был некто Боки, шляхтич из Волыни, проданный туркам татарами; на гербе его значился белый топор на красном фоне, а сверху желтый крест. Потом Подкова стал раздавать важнейшие должности своим сподвижникам: Шаху поручил весь волошский народ; Чапе – маршалство, начальство над войсками и управление двором, Копыцкому дал Хотинское буркалабство (то есть губернаторство). После же всего этого он отправил к турецкому султану посла за господарским знаменем, но посла его перехватили в дороге и не допустили до султана.

Между тем прежний господарь, Петр, собрал большое войско и двинулся к Яссам. Когда казаки прослышали об этом, то посоветовали Подкове не ожидать неприятеля в замке, а выступить ему навстречу. Подкова послушался совета казаков, и когда Петр был недалеко от Ясс, то Подкова, с казаками и волошским народом, выступил против Петра и выстроил вперед казаков, желая, чтобы они первые выступили на бой; но казаки, не доверяя волохам, не согласились на то. Тогда Шах поставил настороже нескольких человек казаков, чтобы они сами убедились в бесхитростном отношении к ним волохов: он велел погнать вперед войска стада лошадей и рогатого скота, желая тем сбить неприятельских пехотинцев с места, а впереди стад допустил выйти турецким отрядам. Все это так и случилось, и турки так долго гарцевали в виду войск Подковы, что казаки стали терять терпение и начали сами стремиться к бою. Но Шах, желая, чтобы турки еще ближе подъехали, несколько задержался. Только тогда, когда турки уже были атакованы, Шах велел направить на них ручную стрельбу. Результатом этой битвы было то, что одна часть войска Петра осталась побитой, а другая обратилась в тыл. Казаки, воспользовавшись этим, принялись стрелять скот, выставленный Подковой; скот же, повернув назад, начал давить оставшееся в живых войско Петра. Стоявшие на правой руке Подкова и на левой Шах скоро заметили это и разом ударили на своих врагов; они с такой силой били и секли растерявшихся неприятелей, что очень большое число их положили на месте; сам господарь едва успел, с остатками войска, спастись бегством.

Несмотря на такой исход битвы, Подкова, однако, очень сомневался насчет того, сможет ли он удержать за собой молдавские владения, тем более что он получил известия о том, что к Петру шла немалая помощь от семиградского господаря, брата короля Стефана Батория, Христофора Батория, и это делалось по распоряжению самого короля, который был большим другом Петра и желал, чтобы за ним осталось молдавское господарство. Оттого Подкова выехал вовремя из Ясс, захватив предварительно в нем 14 орудий, самые ценные вещи и большой запас провизии. Старый хотинский буркалаб, которого Копыцкий выгнал из Хотина и который проживал по сю сторону Днепра, в имении Якуба Струся, узнав о том, что Подкова идет из Ясс, выехал тайком из своего убежища, внезапно схватил Копыцкого и отдал его своим стражам, а потом, вместе с ним, поехал к своему господарю, но тут натолкнулся на казаков, которых выслав Подкова навстречу Копыцкому, чтобы ему было безопаснее ехать из Хотина.

Казаки тотчас отняли у буркалаба Копыцкого, самого буркалаба рассекли на части, не пощадили никого и из людей, бывших с ним.

Приближаясь к Сорокам, Подкова раздумывал, как бы ему направиться на низовье Днепра: полем ехать он опасался из-за больших снегов, а мимо Немирова – боялся гетмана и воеводы брацлавского, которые, по приказу короля, усердно старались его поймать.

Против Подковы вышел гетман, но, видя, что у него очень мало народа, не хотел на него нападать, рассуждая так, что он и без пролития крови возьмет его в свои руки. Брацлавский воевода, Ян Збаражский, будучи в Немирове, пригласил к себе нескольких человек казаков вместе с их гетманом Шахом. Тут воевода объявил им о том, сколько он имел неприятностей от короля, не чувствуя себя ни в чем виноватым перед ним, из-за Ивана Подковы, которого казаки вели на Молдавское государство и тем дали повод турецкому султану нарушить мир. Воевода советовал казакам посерьезнее отнестись к этому делу и не гневить короля, а Подкове рекомендовал ехать к королю и оправдать свой поступок, заверяя его, что такого рыцаря, как Подкова, король примет вполне милостиво. Воевода вызвался даже свести Подкову к коронному гетману, а гетман сведет его к королю. Казаки передали эти слова Подкове, и Подкова охотно принял предложение и отправился с воеводой к гетману, подарив первому 12 орудий, второму – 2 орудия. Гетман отослал Подкову в Варшаву, но король принял его неблагоприятно и велел посадить в тюрьму, надеть на него оковы и приставить сильную стражу. Узнав об этом, турецкий султан послал к Баторию своего чауша и через него стал требовать выдачи ему Подковы; Стефан Баторий хотя и не исполнил требования султана, однако, в угоду ему, велел Подкове отрубить голову, что и было исполнено в городе Львове в 1578 году. Польский король делал в это время приготовления к войне с русским царем и потому находил нужным обеспечить себя со стороны турок, для чего и казнил Ивана Подкову.

После казни Подковы казаки, мстя за гибель его, нашли где-то брата его Александра и с ним снова ударились в Молдавию и снова выгнали было Петра из княжества. Но на этот раз сами турки разбили казаков и многих из них привели в Царьград, а выставленного ими претендента на молдавский престол, Александра, посадили на кол⁸⁷.

Такая смелость со стороны казаков объясняется отчасти тем, что они находили сочувствие в своих набегах на турецкие владения со стороны не только простого украинского населения, но даже и знатных польских панов. Так, приезжавший в 1578 году к польскому королю турецкий чауш с требованием казни Подковы заявил жалобу на брацлавского воеводу Яна Збаражского и дворянина Филона Кмиту в том, что они содержат в своих местностях казаков, делают с ними набеги на турецкие владения и причиняют туркам большие убытки. Так как по этому поводу предъявлено было от Порты новое требование, то король Стефан Баторий отправил особых комиссаров с Яном Тарлом во главе к низовцам с целью исследования вопроса об обидах, чинимых казаками татарам и туркам, и с намерением усмирения казаков; но посланные комиссары, после долгих споров с казаками, следствия произвести не могли и возвратились ни с чем к королю⁸⁸.

Король старался снять с себя всякую вину за действия казаков и, отправляя весной того же 1578 года своего посла Мартина Броневского в Крым, велел ему относительно казаков говорить так: «Если казаки нападут на татарские улусы, то это будет наверное без нашего ведома: мы их не только не желаем содержать, напротив того, желали бы истребить, но у нас в тех местах нет столько военной силы, чтобы совладать с ними. Для достижения этой цели ханский посол советовал нам, во-первых, запретить украинским старостам давать им селитру, порох, свинец и съестные припасы, во-вторых, не позволять казакам проживать в украинских селах,

⁸⁷ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1430–1435, 1440.

⁸⁸ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1440, 1441; То же Гвагнин в Собрании Лукомского: Самовидец. 1878, 357.

городах и замках и, в-третьих, пригласить старших казаков на королевскую службу. Попробуем, можно ли их привлечь к себе»⁸⁹.

Не довольствуясь этим, Стефан Баторий вслед за отправкой посла в Крым послал универсал к своим пограничным старостам с упреком в том, что они действуют заодно с низовыми казаками, дают им у себя пристанища и вместе с ними ходят в турецкие владения: «Не впервые уже я убеждал ларов старост не скрывать у себя низовцев и не снабжать их порохом, свинцом и съестными припасами; но они меня не слушались и тем навлекли со стороны татар опустошительный набег на пограничные области. В последнее время ханский посол прямо указывал, что предводители низовцев, Шах и Арковский, зимовали один в Немирове, а другой в Киеве, и при этом объявил, что никакие подарки не будут достаточны для удержания татар от набегов, если казаки не перестанут беспокоить их владений. В таком положении дела повелели мы Константину Константиновичу князю Острожскому, киевскому воеводе, чтоб он, исполняя свой договор с перекопским царем, двинулся к Днепру и прогнал оттуда разбойников-казаков, а кто из них попадет ему в руки, карал бы смертью. Всем же украинским старостам повелеваем содействовать в этом князю Острожскому и также ловить и карать смертью запорожцев, когда они разбегутся с низовьев Днепра»⁹⁰. О мерах, принятых против казаков, Стефан Баторий сообщил крымскому хану Махмеду-Гирею; но тут же заявил, что он не уверен, чтобы низовцы, по возвращении посланного против них князя Острожского, снова не собрались на Низу, так как выгнать казаков из «диких мест» весьма трудно, тем более что им покровительствует Москва, в области которой они нередко и уходят, чтобы спастись от преследований поляков⁹¹.

Несмотря на меры, принятые Стефаном Баторием, низовцы не переставали чинить походов за Перекоп в татарские владения и ходить с новыми претендентами на престол в Молдавию, каким был и Петр Лакуста – волошанин, называвший себя сыном казненного турками Александра. 17 апреля 1579 года низовцам послан был особый универсал. В нем король, называя казаков запорожскими молодцами, говорил, что так как они вступили в королевскую службу, то обязаны верно служить королю и Речи Посполитой и во всем повиноваться черкасскому старосте, под начальством которого состоят; а между тем они этого не делают и уже в третий раз предпринимают поход в Молдавию, чем нарушают мирный договор Речи Посполитой с Турцией. Тут же король уверял, что новый претендент на молдавский престол, называющий себя сыном Александра, есть обманщик и самозванец; указывал им вместо Молдавии на Россию, куда они могли бы ходить беспрепятственно и добывать там больше славы, чем в Молдавии, и в заключение требовал полного себе повиновения, в противном случае, как пишет о том Кулиш в «Истории воссоединения Руси», грозил им лишением имущества и жизни⁹².

Зная, однако, по опыту, как принимались низовыми казаками королевские универсалы, Стефан Баторий на одних угрозах не остановился: он придумал средство обессилить и сократить число низовых казаков посредством сформирования в Речи Посполитой так называемых избранцев. Выбранцами названа была пехота, составленная, по решению сейма 1578 года, из каждых двадцати людей по одному человеку. Выбор производился в каждом городе, местечке и селении и непременно по добровольному желанию человека. Каждый избранец, изъявивший согласие на королевскую службу, должен был обмундироваться на собственный счет – иметь известного цвета платье, рушницу, саблю, топор, порох, свинец и обязан был являться в назначенное место каждую четверть года к ротмистру или поручику, зато он освобождался от всяких общественных податей и повинностей в мирное и в военное время. Таким образом, как пишет все тот же Кулиш, избранцы не имели надобности уходить за пороги, на низовья

⁸⁹ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 90.

⁹⁰ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1878, I, 91.

⁹¹ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1442.

⁹² Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1878, I, 92, 94.

Днепра, в Великий Луг, ради заработка, и тем увеличивать собой численность низового, или вольного, казачества⁹³.

Однако, несмотря на эту меру, низовые казаки по-прежнему не переставали тревожить татар и турок своими набегами, и в 1579 году крымский хан, отправляя своего посла к Стефану Баторию, снова заявлял через него жалобу на казаков. На эту жалобу король отвечал тем, что казаки – люди вольные и потому усмирить и наказать их, как людей вольных, и трудно, и непристойно, хотя он всячески будет стараться об удержании их от набегов на татарские владения⁹⁴. В оправдание своих слов король разослал в январе 1580 года из города Варшавы универсалы к урядникам и шляхтичам Киевского, Подольского, Волынского и Брацлавского воеводств с приказанием им предотвращать «своевольных» людей от вторжения их в турецкие пределы⁹⁵.

Довольно холодный тон ответа польского короля крымскому хану по поводу жалобы последнего на казаков объясняется самым обстоятельством дел в Польше. В это время (начиная с 1579 года) Польша вела так называемую Ливонскую войну с Москвой и потому очень нуждалась в казаках. Во все время Ливонской войны казаки помогали полякам: взятием возле Полоцка замков Красного, Великолуцка, Заволочья, Невеля, Усвята, Туровля и Нисцерда, под начальством Франциска Сука, какого-то Микиты и какого-то Бирули, добычей языков при походе к Велижу у Двины, и особенно отличились они у Стародуба, в конце 1580 года. В это же время, по словам польского летописца Бельского, низовые казаки, со своим гетманом Яном Орышевским, ворвались в московские земли и причинили там большие škody: они сожгли город Стародуб и с большой добычей вернулись назад⁹⁶.

Возвратившись из ливонского похода, казаки вновь обратили свое внимание на Крым, где в это время, после смерти Девлет-Гирея, воцарился Магмет-Гирей. Желая предупредить внутренние междоусобия в Крыму, Магмет-Гирей обнажил меч против двух младших братьев своих и заставил их бежать «в поля». Но в полях, после долгого скитания, царевичи изловлены были казаками и доставлены старосте черкасскому, князю Михайлу Вишневецкому⁹⁷.

В 1582 году крымский хан опять повторил свою жалобу на казаков⁹⁸, хотя жалоба эта вызвана была, по догадке польского летописца, главным образом тем, что турецкий султан собирался в это время походом на Персию, а потому особенно добивался удаления казаков с низовьев Днепра. Стефан Баторий снова сослался на то, что казаки люди вольные и усмирить их составляет большой труд. На это ханский посол сказал, что если король не усмирит казаков, то перекопский царь не станет держать перемирия с королем и ворвется в пределы Польши. Услышав это, Стефан Баторий, после отъезда посла, двинул 22 роты конного войска на Подол для предупреждения вторжения туда татар⁹⁹.

Но вторжения татары в Подолию на этот раз не сделали, а казаки в этом же 1582 году напали на возвращавшихся из Москвы в Крым ханских послов и пограбили их. Тогда хан, через своего посла, потребовал от Стефана Батория удовлетворения и объявил, что он ждет ответа, сидя на коне, и в случае отказа со стороны короля немедленно вторгнется с сорока тысячами турок в Польшу. На такую речь король отвечал, что он не ответен за казаков, так как между ними столько же татар, сколько и других наций людей, и что против угроз хана он готов выставить собственное войско. И точно, желая предупредить хана, Стефан Баторий приказал коронному гетману Замойскому собирать войска, и когда гетман объявил поход, то к нему присоединился с собственными полками и князь Константин Острожский. Видя такую

⁹³ Кулиш. История, I, 93; Шмидт. История польского народа, II, 107.

⁹⁴ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1440, 1507; Гвагнин в собрании историческом Лукомского: Самовидец. 1878, 357.

⁹⁵ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 12–14.

⁹⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1447, 1449, 1454, 1457, 1460, 1467, 1480.

⁹⁷ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1485.

⁹⁸ Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 152, 155.

⁹⁹ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1507, 1444.

решимость со стороны польского короля, татары не посмели сделать нападения на пограничные польские владения, хотя уже было и подошли к Днепру и сделали набег на Подолию¹⁰⁰.

Для избежания на будущее время столкновения с турками и татарами король вновь приказал пограничным стражам не допускать казаков к походам против мусульман, но в половине этого же 1582 года, после так называемого Запольского перемирия, объявлено было об окончании войны Польши с Россией, во время которой украинские казаки принимали такое деятельное участие, и тогда масса этого, привыкшего к войне люда стала бросать свои пепелища на Украине и уходить на низовья Днепра¹⁰¹. Король, еще не зная замысла казаков, особенно расхваливал их за подвиги во время польско-русской войны и в 1583 году рекомендовал радным панам казаков как людей, показавших особые доблести, которым и грядущие поколения должны удивляться: «нужно, – говорил король, – чтобы на них обращено было особенное внимание»¹⁰².

А между тем казаки, собравшись на низовьях Днепра и войдя в соглашение с пограничной шляхтой, в том же 1588 году бросились в Молдавию и опустошили ее, а потом вторглись в турецкие владения и тут взяли крепость Ягорлык и разграбили город Тятин. Король, узнав об этом, приказал пограничному войску ловить казаков и заключать их в оковы. Казаки, в свою очередь, уведомляясь о королевском приказании, приняли свои меры. Как пишет о том Соловьев в «Истории России», они прошли Киевским воеводством в пределы Московского государства и спаслись там от преследований, и только часть из них была изловлена и поплатилась лишением свободы, будучи закована в кандалы¹⁰³. После этого Стефан Баторий, желая выгородить себя перед турецким султаном за набег казаков, поспешил известить его, что нападение сделано было на турецкие города людьми своевольными, которые будут строго судимы, и взятая ими добыча и отбитые пушки будут возвращены по принадлежности туркам. Султан был польщен такой предупредительностью, хотя потребовал жестокого наказания виновных в разорении Тятина, а также пригрозил королю войной на будущее время за подобные нападения со стороны казаков¹⁰⁴.

Повторявшиеся из года в год набеги казаков на турецко-татарские владения и оттого постоянные угрозы со стороны Турции и Крыма Польше давно уже заставляли короля Стефана Батория предпринять решительные меры против казаков, и если он откладывал привести казаков к строгой дисциплине, то делал в этом случае уступку обстоятельствам и нуждам республики.

Все малороссийские летописцы приписывают приведение казаков «в лучший порядок» королю Стефану Баторию и относят это к 1576 году¹⁰⁵, тогда как польские летописцы XVI века или совсем не говорят об этом, или же ограничиваются одними только намеками, как делает, например, в своей хронике Бельский. Под 1578 годом он сделал заметку всего лишь в две строчки: что Стефан Баторий успокоил страну от турок, татар и казаков, которых несколько подтянул, поставивши над ними гетманом Орышовского из герба Правдича¹⁰⁶. Такой же неясный намек дает в своем универсале, 17 апреля 1579 года, и сам король Стефан Баторий по поводу нападения казаков на Молдавию с Петром Лакустою: «Так как вы (казаки) вступили в нашу службу, то обязаны верно служить нам и Речи Посполитой» и проч.¹⁰⁷ Оттого современ-

¹⁰⁰ Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, Warszawa, 1823, 222; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1512.

¹⁰¹ Heidenstein. Dzieje polskie. СПб., 1857, II, 361.

¹⁰² Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, 387.

¹⁰³ Соловьев. История России, М., 1879, VII, 32.

¹⁰⁴ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1516; Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, 237–239.

¹⁰⁵ Летопись Грабянки, 1854, 21, 22; Собрание историческое Лукомского в летописи Самовидца, 1878, 349; Сборник летописей. Киев, 1888, 3; Ригельман. Летопись, I, 25.

¹⁰⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1441.

¹⁰⁷ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 94.

ные историки и исследователи Малороссии ставят регуляцию казаков, произведенную Стефаном Баторием, под различными годами, но вероятнейшею кажется догадка, относящая это дело к 1583 году¹⁰⁸. Что казацкой регуляции не было в 1576 году, это видно из приведенной выше инструкции, какую давал Баторий своему послу Броневскому, ехавшему в Крым в 1578 году: в ней король велел сообщить Магмет-Гирею, что он, по совету самого же хана, попытается привести в порядок казаков, но что выйдет из того – сам не знает. Также есть основание думать, что и в 1581 году такой регуляции у казаков еще не было, потому что пойманных в это время в диких полях двух крымских царевичей, бежавших от хана Магмет-Гирея, казаки предали в руки старосты черкасского, князя Михайла Вишневецкого, тогда как, при существовании отдельного казацкого уряда, они должны были бы передать их в руки собственного начальства. Подлинной грамоты о казацкой реформе не сохранилось, но она приводится в универсале гетмана Богдана Хмельницкого, писанном в 1655 году, и самим универсалом относится к 1576 году. Сущность же реформы приводится у всех малороссийских летописцев то короче, то сокращеннее, но в общем дело идет об одном и том же.

Лукомский в «Самовидце» описывает это так: «В 1576 году король польский Стефан Баторий, видя у казаков большую против турок и татар храбрость и отвагу, привел их в лучший порядок: определил им гетмана и старшину, даровал знамя, булаву, бунчук и печать с войсковым гербом, на которой изображен рыцарь с мушкетом на правом плече, с левою рукою, упертою в левый бок, с саблею у того же левого бока и с рогом для ношения огнестрельного пороха и с перекинутым колпаком на голове; кроме того, после гетмана король назначил им обозного, двух судей, писаря, двух есаулов, войскового хорунжего и войскового бунчужного, полковников, полковых старшин, сотников и атаманов; не дал только король пушек казакам, потому что казаки, разоряя турецкие и татарские города и крепости, сами достали себе пушек. Устроивши казаков, король повелел им быть на страже против татар во всей готовности около днепровских порогов; рассуждая же об их храбрости, он с предсказанием заметил, что будет от тех юнаков когда-то Речь Посполитая вольная. В одно время с этим король учредил и запорожским казакам кошевого атамана и всю их старшину и пожаловал, как и гетману, войсковые клейноды, только к печати их перед рыцарем прибавил стоящее копье, знаменующее бодрствующего воина. Кроме всего этого, помимо старого кладового¹⁰⁹ казацкого города Чигирин дал еще низовым казакам для пропитания город Терехтемиров с уездом и монастырем для пребывания в нем больных и на войне раненных. И всем казакам, как городовым, так и запорожским, назначил жалованье по червонцу в год и по кожуху, чем казаки долгое время были очень довольны»¹¹⁰.

Так рассказывает о казацкой реформе, произведенной королем Стефаном Баторием, один из малороссийских летописцев. Подробнее об этом излагается в грамоте короля Стефана Батория, помеченной 1576 годом, данной на имя кошевого атамана Павлюка, приведенной потом в универсале гетмана Богдана Хмельницкого.

«Богдан Хмельницкий – гетман обеих сторон Днепра и войск запорожских. Панам, енаральной старшине, полковникам, полковой старшине, сотникам, атаманам и черне всего войска украинского и всякой кондиции людем так же кому б о сем теперь и в потомние часы ведать надлежало объявляем сим нашим уневерсалом, иж атаман кошовий войска низового запорожского пан Демян Барабаш в обец (обще) со старшиною войсковою и атаманами куренными положили перед нами грамоту наияснейшего короля польского Стефана Батория в року 1576 месяца августа 20 дня на прошение антецессора нашего гетмана Якова Богданка и кошового низового запорожского войска Павлюка данную, в якой королевской грамоте написано, иж

¹⁰⁸ Киевская старина, 1884, сентябрь, 45.

¹⁰⁹ То есть города, в котором складывали артиллерию и продовольствие.

¹¹⁰ Лукомский. Собрание историческое: Самовидец. Киев, 1878, 349.

его королевская мосць, видячи казаков запорожских до его королевского маестату зичливу прихильность и рицарские отважные служби, которими завжди (всегда) великие бусурманские погромляючи сили, гордое их прагнене (жажду) на кровь христианскую до конца затлумили и пашеку их на корону полскую и на народ благочестивий украинский рикаюицю, замкнули и вход в Польшу и Украину заступили и все их неищетные силы и наглие на народ христианский набеги грудмы своими сперли; якие их служби нагорожаючи и дабы им войска запорожского казакам для земовых станций где было прихильность (пристанище) мети, также от неприятеля ранених своих заховуваты и лечиты, в других долегающих (настоятельных) нуждах отпочинок маты (иметь) и всякой пожиток ку воле своей забираты, а чтоб также и наперед заохочени были зичдиво в войску служиты и против неприятелей отчизни своей охочо и неомилно отпор чиниты, – надает его королевская мосць казакам нызовым запорожским векуисте (вечно) город Терехтемиров с монастырем и перевозом, опрочь (кроме) складового старинного их запорожского города Чигрина и от того города Терехтемирова на низ по-над Днепром рекою до самого Чигрина и запорожских степов, к землям чигринским подошлих, все земле и со веема на тих землях насаженными местечками, селами и футорами, рибными по тому берегу в Днепре ловлями и иними угодий; а вширь от Днепра на степ, як тих местечок, сел и футоров земле (земли) здавна находились, и тепер так ся тое в их заведаныи мает заховаты: городок старенний же запорожский Самар с перевозом и землями втору Днепра по речку Орель, а вниз до самих степов нагайских и кримских, а через Днепр и лиманы Днепровий и Боговий, як из веков бивало по очаковские влуси, и в гору реки Богу по речку Синюху; от самарских же земель через степ до самой реки Дону, где еще за гетмана казацкого Прецлава Ланцкорунского казаки запорожские свои земовныки мевали (имели). И же би тое все непорушно во веки при казаках запорожских найдовалось, его королевская мосць тоею грамотою своею казакам запорожским укрепил и утвердил и просил он пан кошовий запорожский Барабаш со всем войском запорожским и нашего на тое гетманского уневерсалу прекладают жалобу, же чрез многие перешедшие года от войны с татарами, турками, волохами, а на остаток и с ляхами войско запорожское вне веч изруйновалось и о таких утисках все оние их городки и земле с рук у их вилуплени що не тулко коней своих, но яких в войску служат, але и себе чим прокормить с чего не мають; мы теди Богдан Хмельницкий гетман хотя и удалялись от такого войска запорожского просби, ведаючи их и самих от стародавних королей полских привилегиями утоцненвих и особлиwie кленоти и армату войсковую маючих, но же ми от всего войска и народа украинского по обоим сторонам Днепра далеко расширяючогось нам врученную моц и владзу як в войску, так и по всех городах и всем украинским народам диридовать маючи, так поюй звериной владзи нашої на тую просьбу пана кошового и всего войска запорожского прихилиячись тими всеми городами, местечками, селами и хуторами и зих всякими угодий як от наияснейшого короля полского Батория войску запорожскому надано владеть и пожитковать с того дозволяем и чтоб тое все непорушно вих владзи вовеки било сим нашим уневерсалом ствержаем вроку ануария с белой церкви»¹¹¹.

Взятая в частности, эта грамота тщательно разобрана была русским историографом XVIII века Григорием Миллером и оказалась наполненной позднейшими вставками и добавлениями, не соответствующими хронологическим данным. Так, в ней говорится о том, что за казаками оставлен был их старинный город Чигирин, но из документальных данных, а именно из грамоты Сигизмунда III черкасскому старосте Александру Вишневецкому «об основании на пустом урочище, называемом Чигрин», известно, что этот город основан в 1589 году, спустя три года после смерти короля Стефана Батория¹¹². Также несвоевременно было пожалова-

¹¹¹ Копия универсала хранится в Московском отделении общего архива Главного штаба. Дела князя Потемкина, опись 194, связка 181, № 1.

¹¹² Миллер. Исторические сочинения. М., 1846, 43.

ние Стефаном Баторием казакам и города Самары, так как этого города в 1576 году и даже значительно позже этого времени вовсе не было, потому что германский посол Эрих Ласота, ехавший в 1594 году по Днепру к запорожцам и останавливавшийся в устье Самары, ни слова не говорит о существовании в области этой речки города Самари, хотя обо всех выдающихся местах и урочищах на всем протяжении своего пути Ласота рассказывает с особенной подробностью и редкой точностью¹¹³. Академик Григорий Миллер думает, что город Самарь запорожцы получили уже при гетмане Богдане Хмельницком. Кроме того, странно допустить существование зимовников в Запорожье при гетмане Предславе Ландскоронском, – существование их возможно было лишь при условии оседлости казаков, а во время Предслава Ландскоронского о такой оседлости не могло быть и речи. Нельзя не обратить внимания также и на то, что в этой грамоте казаки, жившие в малороссийских городах, и казаки, жившие в низовьях Днепра, смешиваются в одно, и центральный город первых отдается вместе с тем и вторым, тогда как запорожцы не могли доказать своих прав владений впоследствии даже на речку Самарь, не говоря уже о землях выше Самары, а тем более о местечке Терехтемирове, находившемся выше Черкасс и Белой Церкви и несколько ниже Киева. Наконец, в грамоте Стефана Батория, как передается она в универсале гетмана Богдана Хмельницкого, Миллер указывает и на явное противоречие: грамота то дает земли казакам в таких размерах, в каких они издавна владели ими по Днепру, то в позднейших границах, когда казаки соседствовали с татарскими кочевьями¹¹⁴.

Подвергая сомнению в частностях грамоту Батория, исследователи, однако, не сомневаются в произведенной королем реформе казаков.

Сущность этой реформы состояла в том, что король ввел на Украине так называемый реестровый список и в этот список приказал внести лишь 6000 человек казаков; за этими шестью тысячами правительство только и признавало право на существование казаков как свободного сословия, а что было сверх этих шести тысяч – то отчислялось от казацкого сословия и поступало в сословие людей посполитых. Внесенные в реестр 6000 человек разделились на шесть полков: Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Чигиринский и Переяславский; каждый полк подразделялся на сотни, сотни – на околицы, околицы – на роты; при полках полагалась земельная с поселениями собственность, которая давалась на ранг, или чин, каждому старшине и оттого носила название ранговой земли. Всем реестровым казакам, как пишет Грабянка, определено было жалованье деньгами и сукнами¹¹⁵; им выданы были особые войсковые клейноты; назначен был центральный город с монастырем, шпиталем и смежной землей – Терехтемиров; разрешено было иметь собственный в городе Батурине судебный трибунал; объявлен был вместо старосты и воеводы особый «казацкий старшой», который обязан был подчиняться польскому коронному гетману и которого казаки обыкновенно называли гетманом; после «старшого» остальных старшин – полковников, судей, есаулов, писарей – позволено было казакам выбирать самим. Реестровые казаки должны были по этой реформе содержать особый гарнизон в Терехтемирове и, кроме того, караул в 2000 человек за порогами Днепра¹¹⁶.

Цель Баториевой реформы была двоякая: с одной стороны, король, внося в реестр казаков, хотел сделать их послушными своей воле и, так сказать, обезвредить для государства; а с другой стороны, давая казакам собственную организацию и признавая за ними право на сословное существование, он рассчитывал воспользоваться ими как боевой и всегда готовой

¹¹³ Киевская старина. 1884. Сентябрь, X, 43, примеч. 2.

¹¹⁴ Миллер. Исторические сочинения, 43; Киевская старина, 1884, X, 44.

¹¹⁵ Грабянка. Летопись. Киев, 1854, 21, 22; Краткое описание Малороссии в летописи Самовидца, 214; Лукомский. 349; Ригельман. 25; Piasecki, Klonice, Krakow, 1870, 52; Бантыш-Каменский. История, I, 124.

¹¹⁶ В 1584 г. в Луцком замке, в церкви Иоанна Богослова, сложено было несколько кусков сукна, приготовленного для казаков (Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 14).

к походам силой против вечных и страшных неприятелей Речи Посполитой – татар и турок. Отсюда едва ли справедлив тот принятый взгляд на реформу Батория в отношении казаков: будто бы, признавая права на существование 6000 человек казаков и выбрасывая за рубеж остальную массу их, король тем самым хотел в будущем совсем уничтожить казачество. Это трудно допустить уже потому, что в лице казаков Стефан Баторий имел постоянное, а не временное и случайно набранное войско, которое во всякое время можно было противопоставить мусульманам и другим врагам Речи Посполитой. Стефан Баторий мог стремиться лишь к тому, чтобы только обезвредить действия казаков, а не к тому, чтобы их бесследно искоренить.

Для запорожских казаков реформа короля Стефана Батория имела то важное и решающее значение, что с нее собственно и начинается отдельное существование низовых казаков: введя реестр, Стефан Баторий положил начало для разделения южнорусских казаков на городских, или украинских, иначе называемых реестровыми, и низовых, или собственно запорожских, казаков. Только с этого времени появляются фактические указания на существование у низовых казаков Сечи, в смысле ядра или столицы низового товарищества, и кошевых атаманов, в смысле главных и ни от кого не зависимых начальников над низовым войском.

Но помимо разделения южнорусских казаков на городских и низовых, решительные меры короля Стефана Батория, предпринятые для упорядочения казацкого сословия, имели, подобно Люблинской унии, еще и то значение, что увеличили численность низовых казаков и дали им возможность действовать с этих пор смелее, чем действовали они раньше того времени: многие из украинских казаков, недовольные распоряжениями короля и не попавшие в королевский реестр, бежали на низовья Днепра и, в качестве слушников королевской воли, не могли уже возвращаться назад в города Украины и волей-неволей оставались на Низу. Оставаясь же на Низу, они мало-помалу складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода землячества: курень Батурицкий, то есть община земляков, вышедших из Батурина; курень Каневский, то есть община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях Крыловском, Переяславском, Полтавском, Уманском, Корсунском, Калниболотском, Стеблийском, Донском и других. Из мелких групп, или куреней, составилась потом большая единица общины, так называемый «вельможный Кош славных низовых казаков». Этот Кош составляли люди всевозможных народностей, не исключая даже татар и турок, но преобладающий элемент составляли южноруссы из ближайших к запорожским степям поднепровских городов Черкасс, Канева, Крылова, Киева и других мест. Прилив южноруссов в Запорожье, значительно усилившийся со времени Люблинской унии 1569 года, еще больше того усилился со времени казацкой реформы короля Стефана Батория.

Читаем в «Киевской старине»: «Таким образом, запорожское казачество, по замечанию специального исследователя вопроса о его происхождении, возникло под совокупным воздействием тех самых факторов, которые создавали и украинское казачество, и хотя вторичность формации, сопровождавшаяся некоторыми частными условиями, сообщала запорожской общине особый характер, но в общем запорожское казачество было продуктом тех же самых первичных причин, что и казачество украинское. Привнесенный Люблинской унией в южнорусские области новый общественный строй, возвышение одних классов населения над другими, принижение и порабощение свободного населения степной полосы заставили это последнее искать выхода в бегстве; пустые места за порогами дали приют этим беглецам, а близость татар сделала возможным их независимое существование здесь, так как в этих местах брать земельные участки, вследствие опасности от татар, лицам шляхетского сословия не было расчета. Условия места распространения и соседства татар еще частнее определили быт запорожского казачества. Покидавших населенные места, главным образом в степной полосе, и являющихся в степи за Синюхой и Орелью в качестве колонизаторов приходило сравнительно с обширностью края немного, а татары были непосредственными соседями. В силу приспособле-

ния к условиям места, за порогами должно было найти применение своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видим запорожских казаков в первое время существования запорожской общины. Но самым первичным фактором в образовании запорожского казачества было соседство татар. Запорожское казачество является преимущественным результатом столкновения двух различных племен, двух несходных культур: с одной стороны – племени и культуры славян, в частности южноруссов, с другой – племени и культуры тюркской, в частности кочевых татарских орд. Эти племена, пройдя каждое вдали друг от друга свою историческую судьбу и очутившись теперь соседями, но будучи различны по расе, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное друг к другу отношение. Крымские орды систематически год за годом производят набеги на южнорусские земли. Грабежи и опустошения в этих землях естественно вызывают раздражение, побуждавшее отплачивать своим угнетателям тем же. Встретились две враждебные друг другу силы: народ славянского корня, оседлый и прошедший уже несколько ступеней культуры, и народ тюркского корня, полукочевой, находящийся на ступени примитивной культуры. Каждая из сил, сильная на свой лад, в борьбе друг с другом пускала в ход те средства, какие были в ее распоряжении. Татары ордами нападают на Южную Русь, – оседлая Русь выдвигает для борьбы воинов-казачков; набеги татар продолжаются, и отпор, приспособленный к культуре, быту и внутренним распорядкам, существующим в данное время в государстве, усложняется: в южнорусской казачине, в процессе дальнейшего ее развития, выделяется и складывается в особый тип запорожское казачество»¹¹⁷.

Находясь в непосредственном соседстве с татарами, запорожские казаки в гораздо большей степени сделали от них всяческих заимствований, чем казаки городовые, или украинские. Так, от татар запорожцы усвоили себе подобные названия, как кош, атаман (правильнее – одаман), есаул, толмач, чауш, чабан, бунчук, буздыган и др. Вместе с этим запорожские казаки усвоили себе, по примеру татар, бритье голов, кроме чубов¹¹⁸, ношение восточных шаровар, широких цветных поясов, сафьяновых сапог с острыми носками, высоких остроконечных шапок, суконных, восточного покроя, кафтанов; научились приготавливать себе брынзу, или овечий сыр¹¹⁹, пастрёму, или вяленое мясо, бузу, или напиток из кислого молока, и т. и.

Начавши с роли промышленников, торговцев («чумаков»), рыболовов, добычников, низовые казаки постепенно дошли до роли защитников Христовой против мусульманства и православной против католичества веры, и вместе с тем охранителей славянской народности против туркотатар. Уже в 1610 году запорожские казаки говорили о себе, что они «с давних часов», заставляясь против ногайского народа за православную веру, часто теряют здоровье и жизнь свою через войну с татарами и турками, освобождают из неволи народ христианский, доставляют много турецких и татарских языков и пленников на пользу короля, Речи Посполитой, сенаторов и панов коронных, для похвалы Божией, милости храмов Господних и размножения народа христианского, чем всегда оказывали и оказывают услугу отечеству своему «не лютуячи о здоровье и животе своем»¹²⁰. С тех пор как низовые казаки взяли на себя роль защитников веры и отечества, они сделались в глазах своих соплеменников рыцарями церкви, правды и чести, стали бессмертными в глазах многих поколений и с этим именем вошли на страницы славянской или вообще мировой истории.

¹¹⁷ Киевская старина. 1884. Сентябрь, X, 51–52.

¹¹⁸ В Средней Азии, в Кафиристане, мужчины племени сияк-пуши и теперь бреют себе головы, кроме круглого места, около 3 дюймов в диаметре, на темени, где предоставляют волосам расти свободно (Биддедьф. Народы, населяющие Гиндукуш. Ашхабад, 1886, 170).

¹¹⁹ Б р ы н з а – любимое кушанье во всех городах Персии, смежных с нашим Закаспийским краем.

¹²⁰ Акты Южной и Западной России, II, 59.

Глава 3

Родина Самуила Зборовского. Роль Зборовских при избрании королей Генриха и Батория на польский престол. Преступление Самуила Зборовского, банация и замыслы его о прославлении своего имени и геройских подвигов. Поход Зборовского по Днепру и свидание с казаками. Планы его о походе на Молдавию. Сношения с крымскими послами и мысль о походе на Персию вместе с турками и татарами. Отказ в этом Зборовскому со стороны низовых казаков. Посольство Зборовского к молдавскому господарю и движение его по Днепру для промыслов. Столкновение с татарами и турками низовых казаков. Напрасное ожидание на Пробитом шляху известий от молдавского господаря. Затруднительное положение Зборовского в степи, возвращение его на родину и казнь по приказу короля Стефана Батория

Но как ни старался король Стефан Баторий о том, чтобы упорядочить сословие казаков и сделать их послушными своей воле, все же он остался бессильным в этом отношении, и в 1583 году низовые казаки предприняли большой поход под предводительством родовитого поляка Самуила Зборовского в запрещенную им от турецкого султана и польского короля страну – Молдавию.

Самуил Зборовский был младшим из шести сыновей краковского кастеляна и состоял владельцем города Злочова, Львовского уезда, в Галиции. Находясь при дворе польского короля Генриха, Самуил Зборовский сразился у ворот краковского замка с Яном Тенчинским и в пылу гнева убил кастеляна пржемышльского Ваповского, который защищал Тенчинского, и потому, опасаясь королевского суда, бежал к трансильванскому господарю Стефану Баторию. Когда потом возник вопрос в Польше о выборе короля после бегства из Польши Генриха Анжуйского, то все Зборовские стояли за Стефана Батория и содействовали выбору его в короли. Сделавшись королем Польши, Стефан Баторий облегчил положение Самуила Зборовского тем, что не казнил его смертной казнью, как того требовал закон Польской республики, а объявил его лишь банитом, но и то без лишения чести. Тогда Самуил Зборовский, желая заслужить милость короля, стал искать случая, чтобы отличиться каким-нибудь необыкновенным подвигом и вновь приблизиться к королевскому двору. Обстоятельства дел в Польше и в России того времени вполне благоприятствовали ему. В ту пору король Стефан Баторий вел войну с русским царем Иваном IV на западной границе России, и заодно с Баторием хотели действовать низовые казаки. Не имея у себя общего вождя, а между тем наслышавшись много о подвигах Самуила Зборовского и его замыслах, низовые казаки отправили к нему посланцев и через них предложили ему звание своего «гетмана»¹²¹ и поход в юго-восточные окраины московских владений. Самуил Зборовский поблагодарил «запорожских молодцов» за честь и, возвращая назад от себя посланцев их, отправил на низовье Днепра подарки и деньги для войска. Отпустив казацких посланцев, Самуил Зборовский стал готовиться к выходу и пунктом своего похода назначил город Путивль.

Весть о предприятии Зборовского скоро дошла в Молдавию и в Крым. Не зная истинной цели похода Зборовского и опасаясь большой беды от казаков, молдавский господарь и крымский хан Мухаммад-Гирей поспешили прислать к Зборовскому своих гонцов с мирными предложениями: господарь обещал ему 500 коней, а хан – право на молдавское господарство, если только Зборовский оставит свое предприятие без исполнения. Но Зборовский весной 1583 года¹²², в сопровождении гайдуков, любимого повара и многих любителей военных при-

¹²¹ Potem byl od nizowych kozakow, ktorzy sie zaporozkiimi molojcy zowia, deklarowan za hetmana.

¹²² По Папроцкому, Зборовский вышел в Запорожье в 1583 г., а по Несецкому, в этот год он окончил на Запорожье все

ключений, двинулся в поход. Дойдя до города Канева, он посадил свою дружину в лодки и пустился вниз по Днепру, а лошадей приказал вести сухим путем вдоль Днепра. Ниже Канева Зборовского встретили посланцы от казаков и приветствовали его речью. Приняв посланцев, Зборовский отпустил их в Сечь с новыми подарками низовому войску. Проезжая мимо Черкас, казаки получили приглашение от старосты черкасского замка покинуть Зборовского и соединиться с ним, но низовые рыцари нашли такое предложение не согласным с собственной честью и отвечали на него полным отказом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.